

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

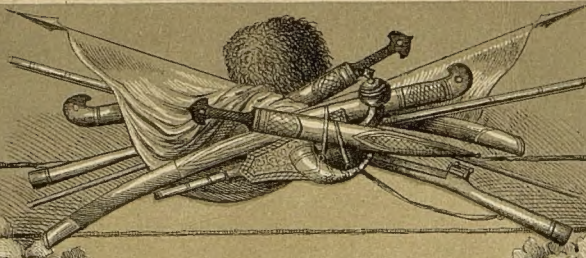
ИЗДАНІЕ

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ VIII.

ТИФЛИСЪ.

1875.

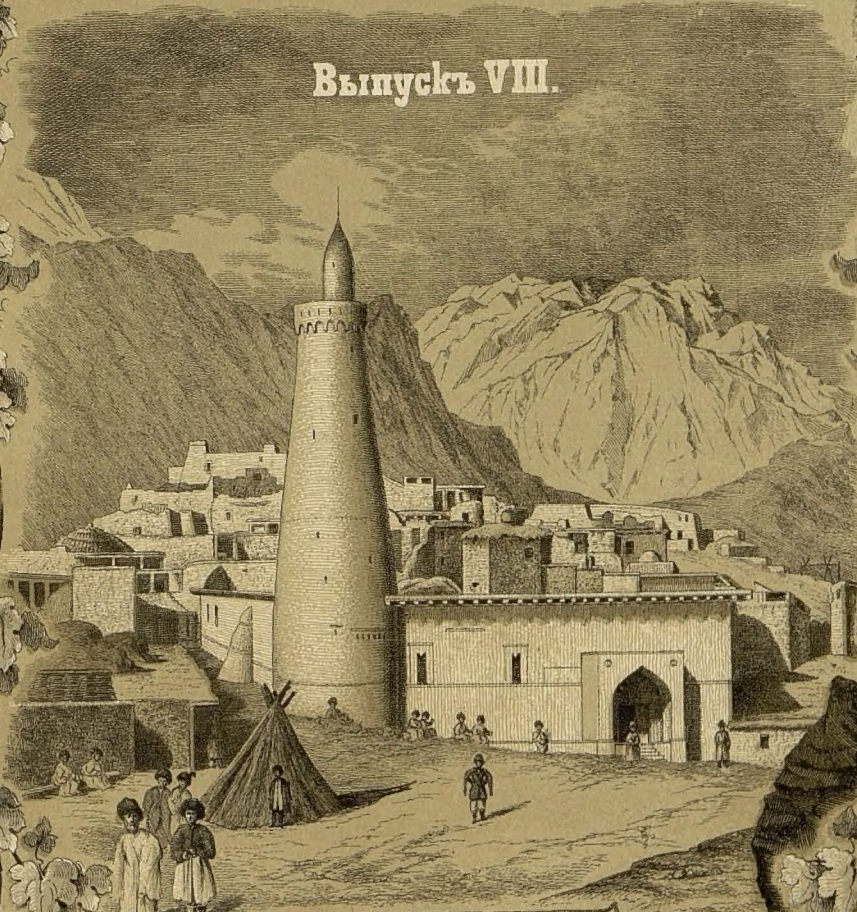

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КAVKAZСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНИЕ
Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ VIII.

ТИФЛИСЪ. 1875.

Сст. и грав. Давидовича.

Предметный каталог
Донской публичной библиотеки
КАВКАЗС

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ СОЗВОЛЕНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЪСОЧЕСТВА

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО КАВКАЗСКОЮ АРМІЕЮ

ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ VIII.

ТИФЛИСЬ.

1875.

167264

21 VII
C 22, 12

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ VIII-му выпуску

СБОРНИКА СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ
ГОРЦАХЪ.

СВАЗЫ МАНГЫШЛАКОВЪ ТУРКМЕНЪ.

А. К.

СКАЗКИ

МАНТЫШЛАКСКИХЪ ТУРКМЕНЪ.

(записаны въ 1871 году со словъ ХОДЖА-МАМБЕТА БЕКЪ-КУЛОВА).

I.

Прожора.

Въ давнія времена жилъ одинъ царь. У этого царя было три сына; дочерей не было. Пришло время, умерла царица. Народъ сталъ говорить: не годится царю быть безъ жены. Нашли дѣвицу хорошаго рода; женился на ней царь; жилъ съ нею два года, дѣтей не было, на третій годъ царица родила дочь. Когда родилась эта дѣвочка, ночью изъ царскаго табуна пропала одна кобыла. Пришелъ табунщикъ, сказалъ объ этомъ царю; приказалъ царь хорошенько караулить табунъ, не поймають-ли вора. Пошелъ табунщикъ къ табуну; на другой день опять пришелъ къ царю, сказалъ: ночью еще одна кобыла пропала. «Дурно смотрите», сказалъ царь и приказалъ старшему сыну: «иди ты въ эту ночь, карауль табунъ, не увидишь-ли чего. Это не хорошее дѣло для меня». Въ сумерки пошелъ старшій царевичъ, согналъ табунъ въ одно мѣсто, стерегъ его до разсвѣта, ничего не видалъ. Подумалъ царевичъ: вѣрно негодяи табунщики сами зарѣзали кобылъ и съѣли. Подумавши такъ, легъ и заснулъ. Проснулся уже тогда, когда солнце высоко взошло. Пошелъ табунъ по-смотрѣть; пришелъ, сталъ считать, видитъ—опять одной кобылы недостаетъ; не зная, какъ и когда она пропала, воротился домой. Спросилъ его царь: «Сынъ мой! что видѣлъ?» — «Ничего не видѣлъ», отвѣчалъ царевичъ, «но еще одна кобыла пропала; какъ и когда пропала, не знаю». Разгнѣвался царь; тогда средній ца-

ревичъ сказалъ: «Отецъ! сегодня я пойду въ табунъ, что увижу—скажу». — «Иди, сынъ мой!» сказалъ царь. Пошелъ средній царевичъ; пришелъ еще засвѣтло въ табунъ, согналъ его въ одно мѣсто, караулилъ, ничего не видалъ. «Всѣ врутъ, я ничего худого не замѣчаю!» сказалъ онъ, легъ и заснулъ. Взошло солнце, проснулся царевичъ, всталъ, пошелъ къ табуну, сталъ считать; опять недостаетъ одной кобылы; не зная, какъ и когда она пропала, воротился домой, пришелъ къ отцу, сказалъ: «ничего не видѣлъ; но еще одна кобыла пропала».

Крѣпко разсердился царь. Въ это время младшій царевичъ сказалъ: «Отецъ! сегодня я пойду табунъ караулить». Ничего не отвѣчалъ царь. Пошелъ младшій царевичъ, осѣдлалъ отцовскаго коня, взялъ его оружіе, поѣхалъ въ табунъ. Пріѣхалъ, собралъ табунъ въ одно мѣсто, подѣхалъ къ большому дереву, слѣзъ съ коня, развелъ огонь, приготовилъ себѣ ужинъ; только что собрался ѣсть, видитъ: идетъ старая старуха, голова у ней какъ котелъ. Подошла къ нему старуха, сѣла около него; сидѣла, сидѣла, ни слова не сказала; встала, ушла. Почему я съ ней не заговорилъ? подумалъ царевичъ; дай-ка пойду за нею, посмотрю, что будетъ? Всталъ онъ, сѣлъ на коня, поѣхалъ, догналъ старуху. Шла, шла старуха, пришла къ большому камню, подняла камень, ушла подъ него; камень на прежнее мѣсто опустился. Подѣхалъ царевичъ къ этому камню, слѣзъ съ коня, привязалъ его, поднялъ камень, видитъ—большая пещера, стоитъ большой котелъ и въ немъ варится мясо отъ сорока кобылъ. Старуха обернулась къ нему и сказала: «Добро пожаловать, сынокъ, войди въ нашъ домъ. Намъ давно нужно такого молодчика. Хорошо сдѣлалъ, что пришелъ». Вошелъ царевичъ въ пещеру, видитъ: сорокъ свѣтильниковъ горятъ, сорокъ разбойниковъ лежатъ и спятъ. Подошелъ къ нимъ царевичъ, поднялъ съ полу сапогъ, да одного изъ нихъ по головѣ имъ стукнулъ. Вскочили разбойники, зашумѣли, закричали: кто это ударилъ? кто ударилъ? Прибѣжала старуха, спросила: что случилось? Разсказали ей разбойники, какъ было дѣло. Она говоритъ имъ: «Ничего! сюда пришелъ одинъ молодецъ, вѣрно это онъ сдѣлалъ». Царевичъ успѣлъ спрятаться, стали его искать; нашли, вывели, говорятъ ему: это ты, негодный, такое дѣло сдѣлалъ? Онъ отвѣчалъ имъ: «правда, я это сдѣлалъ. Спать-ли молодцу по ночамъ? Я сынъ вора и самъ воровать вышелъ, буду вамъ товарищемъ». Обрадовались разбойники, говорятъ: «такого-то молодца намъ и не доставало». Приказа-

ли старухѣ поскорѣй имѣ ѣсть принести; спросили царевича: «знаешь-ли такое мѣсто, гдѣ-бы намъ хорошенько поживиться»? Отвѣчалъ царевичъ: «знаю я, изъ всѣхъ мѣстъ, самое лучшее. У сосѣдняго царя есть три дочери; добра у нихъ видимо, невидимо! Пойдемъ украдемъ ихъ, отдадимъ тремъ старшимъ изъ насъ». Очень обрадовались этому разбойники. Старуха принесла кушанье, усѣлись они, каждый сѣлъ по вареной кобылѣ; царевичу небольшой кусокъ дали. Наѣвши, встали разбойники, осѣдлали лошадей, вывели изъ-подъ камня, сѣли, сказали царевичу: «поѣзжай впередъ! куда ты поѣдешь, туда и мы». Поѣхалъ царевичъ, разбойники за нимъ.

Три царевны жили въ особомъ дворцѣ, который для нихъ выстроилъ, за городомъ, царь, ихъ отецъ. Поѣхали разбойники къ этому дворцу. Подъѣхали близко, остановились; сказалъ имъ царевичъ: «слѣзайте съ коней, ждите меня тутъ, если-же я васъ буду звать, то приходите ко мнѣ по-одиночкѣ». — Хорошо! отвѣчали разбойники. Царевичъ пошелъ во дворецъ, вошелъ въ ворота; увидѣлъ его караульщикъ, спросилъ: кто ты? — «Я», отвѣчалъ царевичъ. Караульщикъ подумалъ, что это, вѣроятно, посланный отъ царя, оставивъ товарищей, одинъ идетъ къ царевнамъ, ничего больше не сказалъ. Подошелъ царевичъ къ караульщику, убилъ его. Отворилъ двери, вошелъ во дворецъ; видитъ: горятъ три свѣтильника, три царевны лежатъ на кроватяхъ и спятъ; у каждой царевны въ головахъ лежитъ по мечу. Взялъ царевичъ мечъ старшей царевны, вытащилъ изъ ноженъ отцовскій мечъ, ударилъ по мечу царевны, разрубилъ его, на прежнее мѣсто положилъ; взялъ мечъ средней царевны и его разрубилъ, на прежнее мѣсто положилъ. Взялъ онъ мечъ младшей царевны, ударилъ, рассыпался отцовскій мечъ; подобралъ царевичъ куски, вложилъ въ ножны младшей царевны, а ея мечъ вложилъ въ свои ножны, вышелъ изъ дворца, затворилъ двери, сталъ звать разбойниковъ. Подошелъ къ нему одинъ изъ разбойниковъ, спросилъ: «что случилось, товарищъ»? — «Иди сюда!» сказалъ царевичъ; отвелъ его въ сторону, ударилъ мечомъ по шеѣ, отсѣкъ голову, отрѣзалъ одно ухо, на питку вздѣлъ его; позвалъ другого разбойника, съ нимъ сдѣлалъ тоже. Такимъ порядкомъ, одинъ по одному, со всѣми покончилъ, всѣхъ сорокъ убилъ. Сорокъ головъ въ одно мѣсто сложилъ, сорокъ туловищъ въ другое мѣсто собралъ, сорокъ ушей нанизалъ на питку, повѣсилъ надъ дверями, вбилъ колъ, привязалъ къ нему сорокъ коней. Кончивъ все это, сѣлъ на коня, назадъ поѣхалъ;

пріѣхалъ къ камню, поднялъ его, вошелъ въ пещеру, сказалъ старухѣ: «бабушка! гдѣ у тебя ключи отъ кладовой? Догадалась старуха, что нехорошее что-то случилось; не дала ключей. Вынулъ царевичъ мечъ, отрубилъ старухѣ руку; отдала она ключи. Отворилъ царевичъ кладовую; денегъ въ ней—безъ счету, драгоценныхъ вещей—биткомъ набито. Осмотрѣвъ все, вышелъ царевичъ, заперъ кладовую, ключъ себѣ взявъ, пошелъ, убилъ старуху, вышелъ изъ пещеры, опустилъ камень, сказалъ: «время теперь отцовскій табунъ посмотреть». Сѣлъ онъ на коня, поѣхалъ; пріѣхалъ къ табуну, собралъ его, погналъ къ дому. Началъ разсвѣтать; видитъ царевичъ: показалось надъ табуномъ черное облако и стало спускаться. «Не было-бы бѣды!» подумалъ царевичъ, взялъ отцовскій лукъ, пустилъ стрѣлу въ облако. «Ай!» послышалось изъ облака и что-то упало на землю. Подошелъ царевичъ, видитъ—лежитъ на землѣ дѣтскій палецъ; поднялъ его, въ платокъ завернулъ, въ карманъ положилъ. Воротился царевичъ домой, когда уже солнце взошло, пришелъ къ отцу и сказалъ: «ничего не видѣлъ». — «А табунъ цѣлъ-ли?» спросилъ царь. — «Цѣлъ», отвѣчалъ онъ.

Въ это время пришла царица и плача сказала: «у моей дочери какой-то злой человѣкъ отрѣзалъ одинъ палецъ и унесъ его». Вынулъ царевичъ изъ кармана платокъ, досталъ палецъ, подалъ его царицѣ, сказалъ: «въ степи нашелъ». Приложили палецъ къ рукѣ дѣвочки, — ея палецъ; закричала, заплакала царица, стала просить царя убить младшаго сына; не согласился на это царь.

Рано утромъ проснулись три царевны, увидѣли, что ихъ мечи разрублены, а въ ножны младшей царевны вложены куски чужого меча; выскочили на дворъ, видятъ: сторожъ ихъ, убитый, лежитъ; сорокъ отрубленныхъ головъ въ одну кучу сложены, сорокъ туловищъ въ другомъ мѣстѣ собраны, сорокъ ушей, нанизанныхъ на нитку, надъ дверями висятъ, сорокъ коней, къ одному колу привязанныхъ, стоятъ. Испугались царевны; послали къ царю, отцу ихъ, служанку разсказать, что случилось. Услышалъ царь объ этомъ происшествіи, приказалъ своему войску собираться. Собралось войско, вышелъ царь, сѣлъ на коня, поѣхалъ, съ войскомъ, во дворецъ къ дочерямъ. Пріѣхалъ, увидѣлъ, что все такъ есть, какъ разсказала служанка.

Разослалъ царь гонцовъ во все города, во все жилия, объявить, что скоро у него будетъ собраніе, для совѣщанія по одному важному дѣлу, и просилъ всехъ пріѣхать. Дошла объ этомъ

вѣсть и до царя, отца трехъ царевичей; взялъ онъ всѣхъ трехъ сыновей, всѣхъ своихъ людей собралъ, съ ними пріѣхалъ къ царю, отцу трехъ царевенъ. Пріѣхали, видятъ: на площади лежатъ ножны младшей царевны и возлѣ нихъ куски меча; особо назначенные люди смотрятъ, чей мечъ войдетъ въ ножны. Много народа подходило пробовать, — ничей мечъ не вошелъ въ ножны. Подошли три царевича: двухъ старшихъ мечи не вошли въ ножны; младшаго царевича мечъ какъ разъ пришелся по ножнамъ, а разрубленный мечъ ровно вошелъ въ его ножны. Заговорилъ народъ объ этомъ; узналъ и царь, отецъ трехъ царевенъ, позвалъ къ себѣ младшаго царевича, спросилъ его: «твое было дѣло, молодецъ»? — «Да, я это сдѣлалъ», отвѣчалъ царевичъ и разсказалъ все, по порядку. — «Ай да молодецъ!» сказалъ царь и всѣ присутствующіе. Стали цари дѣтей своихъ сватать; женились три царевича, на трехъ царевнахъ. Большой пиръ былъ. Взялъ царь сыновей своихъ, съ женами, отправился въ свое царство. Вышла имъ на встрѣчу царица, сказала царю: «не хочу видѣть младшаго твоего сына; выгони его отсюда, пускай живетъ въ другомъ мѣстѣ». Царь сына выгнать не выгналъ, но и въ дворецъ свой не пустилъ. Увидалъ царевичъ, что мачиха ему зла желаетъ, сказалъ самъ себѣ: «нельзя жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ насъ не любятъ». Приготовилъ коня, оружіе, выбралъ хорошій день, попрощался съ молодою женой, сѣлъ на коня, въ путь отправился. Куда поѣхалъ онъ — никто не зналъ. Ъхалъ царевичъ, ѣхалъ, три мѣсяца ѣхалъ; пріѣхалъ къ высокому развѣсистому дереву; остановился, слѣзъ съ коня, разсѣдлалъ его, пустилъ на траву, положилъ сѣдло подъ голову, легъ и сталъ дремать. Вдругъ слышитъ какой-то звукъ; всталъ царевичъ, посмотрѣлъ на дерево, ничего не замѣтилъ; только-что опять легъ, опять слышитъ какой-то шумъ на деревѣ. Всталъ царевичъ, посмотрѣлъ на дерево; видитъ наверху орлиное гнѣздо, въ немъ сидятъ орлята и кричатъ; большая змѣя ползетъ по дереву къ гнѣзду. Выхватилъ царевичъ мечъ, подбѣжалъ къ дереву, разсѣкъ змѣю пополамъ; упала она на землю, разрубилъ онъ ей голову на два куска; потомъ пошелъ легъ онъ на свое мѣсто и заснулъ. Въ гнѣздѣ было три орленка; каждый годъ мать ихъ выводила на этомъ деревѣ дѣтей и каждый годъ въ это самое время всѣхъ ихъ пожирала змѣя. Скоро прилетѣла орлица, увидѣла, что дѣти ея цѣлы и здоровы; сказала: «ахъ, дѣтки мои! васъ-ли я вижу цѣлыми, кто васъ спасъ»? Заплакала она отъ радости, на гнѣздо сѣла. Орли-

та отвѣчали ей: «сидѣли мы, ничего не зная; вдругъ видимъ: лѣзетъ къ намъ злая змѣя, чтобы насъ съѣсть, но вотъ тотъ молодецъ, который теперь спитъ, разрубилъ ее на три куска». Слетѣла орлица съ дерева, сѣла возлѣ царевича. Проснулся царевичъ, всталъ; заплакавши, говоритъ ему орлица: «большое добро ты мнѣ, молодецъ, сдѣлалъ, — чѣмъ отплатить тебѣ?» — «Мнѣ ничего не надо», отвѣчалъ ей царевичъ. Взлетѣла орлица на гнѣздо, сказала: «дѣтки мои! двухъ изъ васъ я дарю этому молодцу, служите ему». Отвѣчали ей орлята: «на приказаніе твое, матушка, мы согласны, только Расскажи намъ, за что ты отдаешь насъ?» — «Дѣтки!» сказала орлица, «каждый годъ въ этомъ гнѣздѣ бывали у меня дѣтки и каждый годъ, въ это самое время, змѣя всѣхъ ихъ поѣдала; теперь этотъ молодецъ убилъ змѣю, избавилъ меня отъ страшнаго врага; вотъ за что я и подарила ему двухъ изъ васъ». Тѣмъ временемъ царевичъ коня осѣдлалъ, оружіе надѣлъ, сѣлъ, поѣхалъ; слетѣли орлята съ гнѣзда, полетѣли надъ его головой, по обѣ стороны. Поправилось это царевичу; продолжалъ онъ ѣхать, ѣхалъ еще одинъ мѣсяцъ; ничего не случилось. Въ одинъ день подѣхалъ онъ къ дремучему лѣсу; вдругъ слышитъ громкій ревъ; поѣхалъ онъ туда, видитъ: лежитъ львица, реветъ, одна нога у ней распухла отъ занозы. Подѣхалъ къ ней царевичъ, съ коня слѣзъ, занозу вытащилъ, гной выдавилъ, лапу тряпкой завязалъ. Львица ему сказала: «Гай! молодецъ! много ты мнѣ добра сдѣлалъ; у меня шестеро дѣтей, но отъ нихъ я еще не видала ничего хорошаго». Заревѣла львица, позвала дѣтей; скоро шесть львовъ прибѣжали, спросили: «зачѣмъ ты, мать, звала насъ?» Сказала имъ львица: «ай, дѣтки! сколько времени я болѣла, никто изъ васъ не помогъ мнѣ, а вотъ этотъ молодецъ сразу меня вылѣчилъ; теперь онъ мнѣ милѣе васъ, за это двухъ изъ васъ я дарю ему, служите ему». Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ; два орла надъ головой его полетѣли, два льва по обѣ стороны его побѣжали. ѣхалъ онъ, ѣхалъ, нѣсколько мѣсяцевъ ѣхалъ, подѣхалъ къ большому городу; передъ городомъ рѣка. Приѣхалъ царевичъ на берегъ рѣки, слѣзъ съ коня, разсѣдлалъ его, на траву пустилъ, свою одежду снялъ, найденныя лохмотья надѣлъ, приказалъ орламъ и львамъ остаться при конѣ, самъ въ городъ пошелъ, у мясниковъ десять бараньихъ шкуръ и требухъ купилъ, назадъ воротился, спать легъ. Утромъ рано всталъ, умылся, шкуры вмѣстѣ связалъ, на себя надѣлъ; требухъ вывернулъ, вмѣсто шапки на голову надѣлъ, такъ въ городъ пошелъ.

Пришелъ, какъ нищій у каждой двери сталъ милостыни просить. Такъ каждый день въ городъ ходилъ. Разъ, вечеромъ, одѣлся царевичъ въ свои одежды, сѣлъ на коня, съ орлами и львами, по берегу рѣки, прогуливался. У царя этого города было три дочери; младшая увидѣла прогуливающагося царевича; понравился онъ ей. «Хорошо-бы мнѣ за него замужъ выйти», подумала она, съ этой мыслью спать легла. Ничего не зная объ этомъ, вернулся царевичъ на свое мѣсто, заснулъ. Утромъ, вставши, опять бараньи шкуры и требухъ надѣлъ, въ городъ пошелъ, у каждой двери милостыню просилъ. Приказала младшая царевна замѣсить тѣсто, положила въ него свое кольцо, лепешку испекла, свою служанку позвала; приказала отдать этому нищему лепешку, когда онъ къ ея двери придетъ. Пришелъ царевичъ, лепешку взялъ, на свое мѣсто возвратился. Пошла младшая царевна къ сестрамъ, сказала имъ: «знаете-ли что я вамъ скажу»? Стали ее сестры просить: «скажи, да скажи! Говорить она: «время быстро уходитъ; а нашъ отецъ, кажется, и не думаетъ насъ замужъ выдавать!» — «Что-же намъ дѣлать?» спросили ее сестры. — «Погодите! я найду дорогу», сказала она; пошла въ садъ, садовника позвала, сказала ему: «дай мнѣ три яблока: одно совѣмъ зеленое, другое на половину спѣлое, третье совѣмъ спѣлое». Пошелъ садовникъ выбирать яблоки, выбралъ такія, какъ приказала царевна, принесъ, отдалъ ей. Завязала она ихъ въ платокъ, къ отцу отослала. Смотрѣлъ царь на яблоки, смотрѣлъ, ничего не понималъ; царицу спросилъ. Отвѣчала царица: «развѣ не видишь, что это значитъ? Пора дочерей замужъ выдавать». Понялъ царь, въ чемъ дѣло. Приказалъ яблоки назадъ дочерямъ отнести и сказать, что на утро соберетъ всѣхъ мужчинъ и велитъ имъ, по-одиночкѣ, проходить передъ балкономъ, а на балконѣ должны стоять царевны, и чтобы каждая бросила свое яблоко тому человѣку, за котораго хочетъ замужъ выйти.

Приказалъ царь собрать всѣхъ мужчинъ изъ своего царства. Пришли всѣ, кто только могъ ходить. Велѣлъ царь всѣмъ, одинъ за однимъ, передъ балкономъ пройти; а на балконѣ уже вышли царевны, съ яблоками въ рукахъ. Начали мужчины передъ ними проходить; прежде всѣхъ пошли два царскіе визиря; прошли, за ними пошли два ихъ сына—оба красивые молодцы; какъ только поравнялись они съ балкономъ, обѣ старшія царевны бросили свои яблоки, одна первому, другая второму. Пошелъ затѣмъ народъ, идутъ, идутъ, никому не бросаетъ младшая ца-

ревна своего яблока. Все прошло, не бросила. Видитъ царь: стоитъ нищій, въ бараньи шкуры обернутъ, вонючій требухъ на головѣ,—приказалъ и ему пройти. Подошелъ нищій къ балкону, бросила ему яблоко младшая царевна. Крѣпко огорчился царь; сказалъ: «не разсмотрѣла, видно, моя дочь, что это за человѣкъ». Однако не хотѣлъ свое слово измѣнить, отдалъ младшую дочь этому нищему. Для двухъ старшихъ дочерей сдѣлалъ царь большой пиръ; для младшей дочери пира не сдѣлалъ. Былъ возлѣ царской конюшни небольшой домикъ,—въ немъ помѣстили нищаго съ женою; никто къ нимъ не ходилъ, только одна царица изрѣдка навѣщала дочь.

Однажды сильно заболѣлъ царь; старые люди сказали, что отъ его болѣзни только и есть одно лѣкарство, мясо кулана *). Спросилъ царь: «гдѣ-же его достать»? Оба визиря отвѣчали: «наши сыновья достанутъ!» Пошли визиря домой, послали сыновей на охоту, приказали имъ привезти мяса кулана. Узнала объ этомъ младшая царевна, сказала мужу: «а ты для чего сидишь дома? Почему не ѣдешь на охоту?»—«Подожди, отвѣчалъ онъ, поѣду». Надѣлъ бараньи шкуры, вонючій требухъ на голову насунулъ, вышелъ изъ города, пришелъ на берегъ рѣки, гдѣ пасся его конь; сбросилъ съ себя шкуры, требухъ, обмылся, надѣлъ свои одежды, осѣдлалъ коня, надѣлъ оружіе, сѣлъ, поѣхалъ; два орла надъ головой его полетѣли, два льва, разинувъ пасти, по обѣ стороны его побѣжали; скоро пріѣхалъ на то мѣсто, гдѣ охотились сыновья визирей. Увидѣли они его, спросили: «что это за молодецъ? Такого еще никогда не бывало въ нашемъ царствѣ». Никто не зналъ его.

Приказалъ царевичъ орламъ найти кулана; полетѣли орлы въ разные стороны; скоро увидали кулана; побѣжали львы, поймали его. Прискакалъ царевичъ, слѣзъ съ коня, перерѣзалъ горло у кулана, сказавъ: «да будетъ мясо твое вредно, а кишки лѣкарство!» Распоролъ животъ, вытащилъ кишки. Въ это время подѣхали къ нему визирскіе сыновья, стали просить его продать имъ мясо кулана. — «Отдамъ», сказалъ царевичъ, только не за деньги, а если согласитесь, чтобы я на вашихъ крестцахъ положилъ свои клейма». Не согласились они, снова стали деньги предлагать. Царевичъ сказалъ: «только тогда и отдамъ, когда на крестцы ваши свои клейма положу». Подумали

*) Дикій осель.

визирскіе сыновья, подумали, сказали: «кто намъ въ эти мѣста смотрѣть станетъ»? Согласились, раздѣлись, наложилъ царевичъ на обѣихъ свои клейма; отдалъ имъ мясо кулана, взяли его визирскіе сыновья, въ городъ поѣхали.

Царевичъ воротился на берегъ рѣки, разсѣдлалъ коня, на траву пустилъ, раздѣлся, чисто-на-чисто куланы кишки перемылъ, бараньи шкуры надѣлъ, вонючій требухъ на голову насунулъ, кишки за пазуху положилъ, къ женѣ пошелъ. Прийдя домой, велѣлъ женѣ куланы кишки хорошенько сварить. Сварила ихъ она, на блюдо положила, къ отцу понесла; принесла, отдала матери. Очень худо сдѣлалось царю, когда онъ поѣлъ куланьяго мяса, привезеннаго двумя старшими зятьями. Въ это время принесла царица блюдо съ кишками, поставила передъ царемъ. — «Это что такое?» спросилъ царь. — «Это куланы кишки», отвѣчала царица, «старшіе зятья наши бросили ихъ; а зять-нищій подобралъ, домой принесъ; дочь наша, его жена, сварила и тебѣ прислала». Царь сказалъ: «отъ мяса мнѣ сдѣлалось хуже, какая-же польза можетъ быть отъ кишекъ? выброся ихъ!» Стала его царица просить не обидѣть дочь, пожалѣть ее, хоть чуть-чуть попробовать приготовленнаго ею кушанья. Взялъ царь ложку этого кушанья, въ ротъ положилъ, проглотилъ, — понравилось ему; съѣлъ еще ложку, еще вкуснѣе показалось; ложка за ложкой, все дочиста съѣлъ царь; скоро совѣтъ-здоровъ сталъ.

Много времени, послѣ этого, прошло. Однажды прискакалъ гонецъ отъ сосѣдняго царя звать царя, съ царицей, съ дѣтьми, съ народомъ, на большой пиръ. Согласился царь, приготовить велѣлъ. Утромъ царь съ двумя старшими зятьями, царица со всѣми тремя дочерями, визири, почетные люди, весь народъ, отправились къ сосѣднему царю въ гости. Просила младшая царевна своего мужа, чтобы и онъ одѣлся и ѣхалъ на пиръ. Согласился царевичъ, надѣлъ бараньи шкуры, вонючій требухъ на голову насунулъ, изъ дома вышелъ; увидалъ его народъ, уходившій на пиръ, сталъ надъ нимъ смѣяться. Когда все ушли, пошелъ царевичъ на берегъ рѣки, бараньи шкуры сбросилъ, вонючій требухъ снялъ, въ свои одежды одѣлся, коня осѣдлалъ, оружіе надѣлъ, съѣлъ, поѣхалъ; два орла надъ головой его полетѣли, два льва, разинувъ пасти, по обѣ стороны его побѣжали. Скоро догналъ царевичъ народъ, идущій на пиръ; увидели его, сказали царю. Остановился царь, посмотрѣлъ на царевича; понравился онъ ему; послалъ царь ему сказать, чтобы

ѣхалъ вмѣстѣ съ ними на пиръ; поѣхалъ царевичъ. Приѣхали въ городъ сосѣдняго царя, подѣхали къ сборному мѣсту; всѣ слѣз-ли съ лошадей, слѣзъ и царевичъ. Жена его послала къ нему слугъ своихъ сказать, чтобы подошелъ къ царю, ея отцу. Пошелъ царевичъ къ царю; орлы, львы его при конѣ остались. Посадилъ царь царевича возлѣ себя, спросилъ: изъ какого онъ царства, чей сынъ, откуда и куда ѣдетъ. Назвалъ царевичъ, своего отца; потомъ сказалъ: «бѣжали у меня два раба, ихъ отыскивать ѣду я». — «Хорошо, сказалъ царь, здѣсь много народа, послѣ посмотримъ, не найдутся-ли ваши рабы». Начался пиръ, много разныхъ кушаній, питей, разносили, много танцовали, забавлялись, смѣялись, очень веселились. Кончился пиръ; приказалъ царь, чтобы никто изъ его людей не смѣлъ уходить домой, пока не увидитъ всѣхъ царевичъ, отыскивающихъ своихъ рабовъ. Сказалъ царевичъ, что у его рабовъ на крестцахъ положены его клейма. Велѣлъ царь всѣмъ раздѣться и по-одиночкѣ проходить. Раздѣлись, начали, одинъ за другимъ, проходить; всѣ прошли, ни у кого нѣтъ клейма; остались двое царскихъ зятей; велѣлъ царь имъ раздѣться; раздѣлись они: смотрятъ, видятъ у обоихъ на крестцахъ клейма. Очень царь огорчился и устыдился, а царевичъ сказалъ ему: «за ваши ласки дарю вамъ обоихъ этихъ рабовъ».

Попрощались цари, пожелали другъ другу здоровья. Сталъ пріѣзжій царь домой собираться, вышла царица, вышли ея дочери; къ младшей одинъ орелъ подлетѣлъ, одинъ левъ подбѣжалъ, проводили ее до арбы; самъ-же царевичъ ее за руку взялъ, провель и посадилъ. Увидала это царица, очень обрадовалась; подумала: ужъ не мужъ-ли это ея младшей дочери. Поѣхало царское семейство, поѣхалъ царь, за нимъ на своемъ конѣ, съ орлами и львами, поѣхалъ царевичъ. Приѣхали въ городъ, вошелъ царь во дворецъ, особаго челоуѣка поставилъ смотрѣть, куда пойдетъ царевичъ. Старшія двѣ царевны по своимъ домамъ разошлись, младшая осталась у воротъ. Подѣхалъ царевичъ, со своими орлами и львами, слѣзъ съ коня, взялъ жену за руки, вошелъ съ ней въ свой домикъ. Конь, орлы и львы у воротъ остались. Какъ только сказали объ этомъ царю, побѣжала царица къ младшей дочери, вошла, видитъ—сидитъ она, обнявшись съ царевичемъ. Теперь вѣрно узнала царица, кто мужъ ея младшей дочери. Пошла, сказала объ этомъ царю. Обрадовался царь, позвалъ младшаго зятя съ женой къ себѣ, обласкалъ ихъ, большой пиръ сдѣлалъ. Приказалъ для нихъ новый, хорошій домъ по-

строить, убрать, украсить его; когда домъ былъ готовъ, съ почетомъ ввели въ него царевича, съ женою, стали они въ немъ жить. Прошло нѣсколько времени. Разъ царевичъ, сидя съ женой, тяжело вздохнулъ. «Развѣ тебѣ чего-нибудь недостаетъ? сказала жена, о чемъ ты такъ вздыхаешь?»—«Такъ себѣ вздохнулъ, безъ всякой причины», отвѣчалъ ей царевичъ. Не повѣрила она, пристала къ нему: скажи да скажи. Разказалъ царевичъ женѣ все подробно, что съ нимъ прежде случилось. Выслушавъ его разказъ, задумалась царица; подумала, подумала, сказала ему:—«Хочешь узнать, что въ твоёмъ царствѣ дѣлается? съѣзди туда, счастливый тебѣ путь! Узнаешь, если здоровъ будешь, ко мнѣ возвращайся». Обрадовался царевичъ, согласился въ свое царство съѣздить. Сказали объ этомъ царю. «Хорошо, пускай ѣдетъ!» сказалъ царь. Вышелъ царевичъ изъ дома, пошелъ къ своему коню, осѣдлалъ его, прилетѣли къ нему два орла, прибѣжали два льва. Поблагодарили царевичъ орловъ за все добро, которое они ему сдѣлали, сказали имъ: «теперь летите себѣ домой»; попрощались съ нимъ орлы, улетѣли. Сказалъ царевичъ лвамъ: «и вы бѣжите себѣ домой». Отвѣчали ему львы: «мы еще нужны будемъ тебѣ, не уйдемъ!» Приказалъ имъ царевичъ остаться при женѣ его, пока онъ будетъ ѣздить. Пошелъ царевичъ, попрощался съ царемъ, царицею, со всею царскимъ семействомъ. Вышла жена его провожать, сказалъ ей царевичъ: «львы пускай при тебѣ останутся; во всякое время, какъ только захотятъ уйти, отпусти ихъ». Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ; жена его, съ плачемъ, домой воротилась.

Ѣхалъ царевичъ, Ѣхалъ, благополучно до своего царства доѣхалъ; не попадаетъ ему по дорогѣ никакой скотины, ни одного человѣка. Приѣхалъ въ свой городъ, видитъ—во всемъ городѣ души живой нѣтъ. Опечалился онъ, поѣхалъ во дворецъ своего отца, и тамъ никого нѣтъ. Престолъ, золото, серебро, драгоценные камни, жемчугъ, все цѣло, все на своихъ мѣстахъ; обошелъ онъ весь дворецъ, никого живого не нашелъ. Вышелъ царевичъ изъ дворца, сѣлъ на коня, поѣхалъ по городу, долго ѣздилъ, никого не встрѣтилъ, вездѣ пусто. Вдругъ увидалъ за городомъ, въ степи, въ одномъ мѣстѣ дымъ. Поѣхалъ туда царевичъ, приѣхалъ, видитъ: стоитъ кибитка, вышла изъ нея женщина и сказала: «добро пожаловать, братъ мой!» Узналъ онъ сестру, у которой отрубилъ палецъ. Обняла она его, ввела въ кибитку, усадила на почетное мѣсто, сама вонъ вышла. Оглянулся царевичъ,

видитъ: сидятъ отецъ его, мачиха, два брата, ихъ жены и его жена. Всѣ семеро худые, тощѣ, едва души въ нихъ держатся. Вошла сестра его, спросила: «братъ! сколько ногъ у твоего коня»? Догадался царевичъ, что она сожрала одну ногу, отвѣчалъ: «три». Вышла она, опять вошла, спросила: «братъ! у коня твоего сколько ногъ»? — «Двѣ», отвѣчалъ онъ. Опять вышла она, вошла, спросила: «братъ! сколько у твоего коня ногъ»? — «Одна», отвѣчалъ онъ. Снова вышла она, вошла, спросила: «братъ! сколько у твоего коня ногъ»? — «Мой конь безногій», отвѣчалъ онъ. Вышла она еще разъ, возвратясь спросила: «братъ! ты сюда на конѣ прѣхалъ или пѣшкомъ пришелъ»? — «Я сюда пѣшкомъ пришелъ, коня у меня не было», отвѣчалъ онъ. Черезъ нѣсколько времени сказала она ему: «братъ мой! возьми балалайку, сядь на верхнемъ кругу кибитки, ноги сюда свѣсь, поиграй намъ; а я для тебя обѣдъ приготовлю». Взяла она котель, налила воды, надъ огнемъ повѣсила. Взялъ царевичъ балалайку, вышелъ изъ кибитки, чтобы свѣсть, какъ сказала сестра. Прибѣжала къ нему лисица, спросила: «молодецъ, что хочешь дѣлать»? — Сказалъ ей царевичъ все; выслушавъ его, лисица сказала ему: «твоя сестра прожора, она хочетъ съѣсть тебя, ты ея врагъ съ-тѣхъ-поръ, какъ отстрѣлилъ ей палецъ; развѣ все это выскочило у тебя изъ памяти? Слушай меня и сдѣлай вотъ-что: оба твои сапога наполни пескомъ и повѣсь на кругу, балалайку дай мнѣ, я буду играть, а самъ бѣги отсюда». Послушался царевичъ лисицы; отдалъ ей балалайку, снялъ сапоги, набилъ ихъ пескомъ, привязалъ къ кругу, спустилъ въ кибитку; самъ взялъ мечъ и три стрѣлы, побѣжалъ въ степь. Потренькивая на балалайкѣ, услъ лисица на кибиткѣ. Черезъ нѣсколько времени подняла прожора обѣ руки вверхъ, ухватилась за сапоги, потащила; посыпался изъ сапогъ песокъ, засорилъ ей глаза. Протерла она глаза, выскочила изъ кибитки, видитъ: лисица на балалайкѣ играетъ, брата ея нѣтъ; догадалась, что онъ убѣжалъ. Посмотрѣла она кругомъ, увидала его далеко въ степи, погналась за нимъ. Видитъ царевичъ, нагоняетъ его прожора, не уйти ему отъ нея; взялъ онъ три стрѣлы, въ трехъ мѣстахъ воткнулъ ихъ въ землю; сдѣлалось три дерева. Вздвѣзъ онъ на одно дерево, сидитъ,—подбѣжала прожора, начала зубами грызть дерево; перегрызла, упало оно, успѣлъ царевичъ на другое дерево перелѣзть; перегрызла она и другое дерево, упало оно; перелѣзъ царевичъ на послѣднее дерево,—начала прожора и его грызть.

Узнали львы, что хозяину ихъ грозитъ бѣда, налились ихъ глаза кровью; увидала это жена царевича, подумала, что они уйти хотятъ, выпустила ихъ. Побѣждали львы на помощь къ царевичу; увидала ихъ прожора, перестала дерево грызть, сказала: «братецъ! какіе это звѣри бѣгутъ?» — «Львы», отвѣчалъ онъ, «они тебя съѣдятъ!» — «Куда-бы мнѣ спрятаться?» сказала она. — «Подѣзай въ воду!» сказалъ царевичъ. Побѣжала она, влѣзла въ озеро по самое горло. Подбѣжали львы, увидали ее, бросились въ озеро, вытащили оттуда злодѣйку, на куски разорвали. Обрадовался царевичъ, избавившись отъ бѣды, слѣзъ съ дерева, со львами къ кибиткѣ пошелъ. Пришли, приказалъ царевичъ львамъ: «бѣгите въ степь, пригоните какую-нибудь скотину, надо кормить отца, мачиху, братьевъ съ ихъ женами, мою жену; надо ихъ сдѣлать на людей похожими». Побѣжали львы, скоро много скота нагнали, накормилъ царевичъ всѣхъ семерыхъ, вышли они изъ кибитки, въ городъ, въ свои дома пошли. Побѣжали снова львы въ степь, розыскали лошадей, верблюдовъ, барановъ; разбѣжавшійся, въ разные мѣста, народъ нашли, всѣхъ собрали жить по прежнему. Сказалъ царь младшему сыну: «я уже состарѣлся; будь ты, вмѣсто меня, царемъ!» Не согласился царевичъ, сдѣлалъ царемъ старшаго брата; попрощался со всѣми, поѣхалъ ко второй женѣ, взялъ ее, возвратился къ отцу. Отецъ, братья навстрѣчу имъ вышли, съ почетомъ въ домъ ввели, народъ собрали, большой пиръ сдѣлали. Собралъ царевичъ слугъ, верблюдовъ; отправился въ пещеру, нѣсколько дней сокровища изъ нея въ свой домъ перевозилъ. Послѣ этого сталъ жить царевичъ съ двумя женами, въ полномъ счастіи; съ ними весело время проводилъ.

Тѣ, о которыхъ мы рассказывали, да погрузятся въ забвеніе, какъ погружается въ водѣ печень; мы-же, какъ легкое, да плаваемъ наверху.

II.

Золотой Сазанъ.

Въ прошедшія времена, на берегу моря, жилъ одинъ старикъ; у него былъ одинъ сынъ; была старая, дырявая лодка, былъ неводъ. Каждый день старикъ съ сыномъ ловили рыбу. Однажды закинули они неводъ, подтянули его къ берегу; видятъ: бьется хорошій, красивый сазанъ, чешуя на немъ вся золотая. Старикъ сказалъ сыну: «сынокъ! ты этого сазана изъ воды не вынимай; подожди, пока я расскажу объ этомъ шаху; надо, чтобы онъ его живымъ увидалъ. Шахъ насъ за это наградитъ». Пошелъ старикъ къ шаху, прійди сказалъ: «государь! я рабъ вашъ, бѣдный рыбакъ, каждый день плохимъ неводомъ ловлю рыбу; что поймаю, то и продамъ на базарѣ; тѣмъ только и живу. Сегодня въ мой неводъ попался золотой сазанъ; пришелъ вамъ сказать объ этомъ; единственного сына своего при рыбѣ оставилъ, приказалъ меня дожидать». Спросилъ царь у своихъ визирей: «видалъ-ли кто-нибудь золотого сазана»? Отвѣчали ему визири: «никогда, ни отъ кого, даже не слыхали о такомъ чудѣ». Шахъ, съ визирями, сѣли на коней, поѣхали къ морскому берегу смотрѣть золотого сазана.

Когда старикъ ушелъ къ шаху, сынъ его подумалъ и сказалъ: «я единственный сынъ у отца; этотъ сазанъ тоже можетъ быть единственный во всемъ морѣ; понравился онъ мнѣ, жалъ, если онъ не останется живымъ; отпущу-ка я его въ море, если отдадимъ его шаху, что намъ отъ этого прибудетъ? а за доброе дѣло Богъ наградитъ». Вывернулъ онъ неводъ, уплылъ сазанъ въ море; на берегъ молодецъ неводъ вытаскилъ. Въ это время шахъ, съ визирями, подъѣзжалъ къ берегу. Старикъ бѣгомъ впередъ подбѣжалъ къ сыну, спросилъ: «гдѣ-же золотой сазанъ»? Отвѣчалъ сынъ: «батюшка! выпустилъ я его въ море». — «Зачѣмъ ты его выпустилъ? сейчасъ шахъ пріѣдетъ его смотрѣть!» сказалъ старикъ. — «Ахъ, батюшка! я одинъ у тебя, золотой сазанъ тоже одинъ, жалъ мнѣ его стало; я доброе дѣло сдѣлалъ, отпустивши его на волю», сказалъ сынъ. Подъѣхалъ къ нимъ шахъ; подбѣжалъ къ нему старикъ, сказалъ: «виноватъ я, государь, передъ тобою!» — «Въ чемъ твоя вина?» спросилъ шахъ. — «Пока я ходилъ, сынъ мой выпустилъ золотого сазана въ море», сказалъ старикъ. Очень разгнѣвался шахъ, спросилъ старика: «не ты-ли

сказалъ, что даришь золотого сазана шаху? — «Говорилъ я, не исполнилъ сынъ мой», отвѣчалъ старикъ. — «Если такъ», сказалъ шахъ, «то сейчасъ-же убей сына; не хочешь этого сдѣлать самъ, такъ посади въ твою старую дырявую лодку и пусти ее въ море. Своими глазами хочу видѣть, какъ онъ поплыветъ въ ней по морю». Заплакалъ бѣдняга старикъ, но дѣлать нечего; нельзя не исполнить шахскаго приказанія; посадилъ онъ сына въ лодку, отпихнулъ ее въ море; вѣтеръ былъ съ берега, погналъ лодку. Не прошло часу, какъ лодка скрылась изъ виду. Старикъ, рыдая, возвратился въ свой домъ. Шахъ, съ визирями, въ городъ уѣхалъ.

Молодой рыбакъ, безъ хлѣба, безъ воды, плылъ по морю десять дней; не тонула лодка, сильный вѣтеръ все гналъ ее да гналъ впередъ. На одиннадцатый день подплыла лодка къ острову, пристала къ берегу; выпрыгнулъ рыбакъ на землю, осмотрѣлся, видитъ: идетъ къ нему навстрѣчу красивый молодецъ; обрадовался рыбакъ, подошелъ къ нему, поздоровался; тотъ отвѣтилъ ему; пожали другъ другу руки, въ разговоръ вступили. Рассказалъ рыбакъ все что съ нимъ случилось; потомъ спросилъ: «а ты кто такой? куда идешь, что здѣсь дѣлаешь?» — «Я бѣдный человѣкъ, хожу по берегу, собираю выброшенную моремъ рыбу, варю ее, ѣмъ, этимъ только и живу», отвѣчалъ молодецъ. Согласились они, съ этого времени, ходить вмѣстѣ; все что найдутъ дѣлить пополамъ; длинное что найдутъ—поперекъ разрѣзать, короткое что найдутъ—вдоль разрѣзать. Такъ условившись, пошли они по берегу, нашли небольшую рыбу, спекли ее, пополамъ раздѣлили, съѣли. Отдохнувъ, пошли дальше, рѣшили идти, пока не дойдутъ до конца острова. Нѣсколько дней шли они по берегу, увидали высокую, крутую гору, отыскиали дорогу, взошли по ней на вершину; на вершинѣ два пастуха пасли стадо рогатаго скота; выпросили они у пастуховъ одного быка, разрѣзали его; наварили, нажарили мяса, сами наѣлись и пастуховъ накормили. Спросили они у пастуховъ: «далеко-ли городъ»? Пастухи сказали: «отсюда до города три дня пути». — «Расскажите намъ, что хорошего, что дурного въ вашемъ городѣ?» сказалъ молодецъ. Пастухи отвѣчали: «у нашего царя есть единственная дочь; теперь ей уже шестнадцать лѣтъ, но съ самаго дня рожденія до-сихъ-поръ она не сказала ни одного слова. Царь для нея за городомъ построилъ особый дворецъ, тамъ она и живетъ. По всему царству приказалъ объявить такъ: всякій, кто вывѣчитъ ее отъ нѣмоты,

получить ее въ жены; если-же кто возмется за это и не исполнить съ успѣхомъ, тому отрубятъ голову. Много людей бралось ее лѣчить; но кончилось тѣмъ, что имъ всѣмъ отрубили головы. Оба молодца, выслушавъ разсказъ пастуховъ, вскричали: «я пойду туда! я пойду туда!» Потомъ переговорили другъ съ другомъ и рѣшили, что первымъ пойдетъ бѣдный молодецъ, а рыбакъ останется. Если молодецъ вылѣчитъ царевну, то подѣлитъ ее пополамъ; если-же нѣтъ, то обоимъ умереть. Попрощался молодецъ съ другомъ-рыбакомъ, сказалъ: «помни наше условіе—хорошее пополамъ, дурное пополамъ»!

Пошелъ молодецъ, три дня шелъ, пришелъ ко дворцу царевны; видитъ: великолѣпный дворецъ; у воротъ много народу стоитъ; пробрался онъ къ дверямъ, постучалъ, спросилъ: «можно войти»? Изъ дома двѣ царевнины служанки отвѣчали: «позволено входить всякому, кто-бы онъ ни былъ». Отворилъ молодецъ двери, вошелъ во дворецъ, видитъ: сидитъ царевна на тронѣ, а внизу двѣ служанки; поклонился онъ. Служанки спросили: «скажи, молодецъ, что тебѣ нужно»? Сталъ онъ говорить: «насъ три брата; разъ вышли мы всѣ трое изъ дому и пришли въ дремучій лѣсъ. Старшій братъ, хорошій столяръ, срубилъ большое дерево, сдѣлалъ изъ него топоромъ красивую дѣвицу, совсѣмъ какъ живую, только голую и безъ души. Средній братъ, искусный портной, сшилъ одежды, одѣлъ деревянную дѣвицу, сдѣлалась она еще красивѣе. Видя это, я самъ себя подумалъ: оба брата мои свое искусство показали, а я-то что сдѣлаю? Подумавъ такъ, пошелъ я къ водѣ, умылъ лицо, руки, подошелъ къ сдѣланной братьями дѣвицѣ, усердно взмолился къ Богу: Господи! дай этой дѣвицѣ душу! Услышалъ Богъ всемогущій мою молитву; въ ту-же минуту стала дѣвица живою. Тутъ мы всѣ три брата заспорили: кому должна принадлежать дѣвица? Старшій братъ сказалъ: мнѣ! Средній братъ сказалъ: нѣтъ, мнѣ! Я сказалъ: нѣтъ! она моя! Спорили, спорили, ничѣмъ не рѣшили; я и пришелъ сюда, царевну спросить: кому должна принадлежать дѣвица? Когда онъ кончилъ, обѣ служанки начали споръ; одна сказала: «разумѣется, дѣвица должна принадлежать старшему брату, который вырѣзалъ ее изъ дерева». Другая сказала: «нѣтъ! она должна принадлежать среднему брату, который одѣлъ ее и украсилъ». Заспорили сильнѣй служанки, спорили, спорили, раскричались. Вдругъ послышалось: «эй, вы, болтуны! дѣвица должна принадлежать младшему брату!» Эти слова проговорила царевна. Услышавъ ихъ, молодецъ

вышелъ изъ дворца; одна изъ служанокъ подошла къ царевнѣ, взяла у нее кольцо, отнесла, отдала молодцу. Послали сказать царю, что дочь его проговорила. Съѣлъ царь на коня, съ почетными людьми къ дочери пріѣхалъ, спросилъ молодца: «Эй, молодецъ! кто ты такой? что ты рассказывалъ? гдѣ твои братья?» Отвѣчалъ онъ: «Государь! мой старшій братъ, вырѣзавшій изъ дерева дѣвицу—вы; средній братъ, одѣвшій, украсившій ее—царица, жена ваша; я самъ, по молитвамъ котораго всемогущій Богъ далъ дѣвицѣ даръ слова, младшій братъ». Царь сказалъ: «обѣщаніе мое неизмѣнно!»; велѣлъ пиръ сдѣлать, отдалъ молодцу дочь свою. Сталъ молодецъ царя просить не задерживать его, а тотчасъ-же отпустить. Согласился царь, взялъ молодецъ царевну, приданое ея, все взявъ, къ другу своему пошелъ. Рыбакъ встрѣтилъ его, радуясь; остановились они, стали дѣлиться, разложили имущество и деньги на двѣ равныя кучки; все подѣлили, даже одежду съ царевны. Осталась голая царевна; по условію рѣшили и ее пополамъ раздѣлить: одну половину одному, другую другому. Поставилъ молодецъ царевну по срединѣ, вытащилъ мечъ, высоко замахнулся надъ головой ея; испугалась царевна, вскрикнула; въ это время выскочила изъ ея рта змѣя, въ четверть длиною; увидя ее, царевна еще больше испугалась. Отдалъ молодецъ рыбаку мечъ, велѣлъ убить змѣю; взялъ рыбакъ мечъ, догналъ змѣю, изрубилъ ее въ куски. Молодецъ сказалъ царевнѣ: «теперь одѣвйся, успокойся, ничего дурного съ тобой не будетъ». Заговорила царевна свободно: сидѣвшая въ ней змѣя была причиною ея нѣмоты. Собралъ молодецъ въ одну кучу имущество, деньги; сѣлъ съ сыномъ рыбака, сказалъ ему: «другъ мой! знаешь-ли, кто я? — «Знаю, что ты другъ мой, нашелъ я тебя на островѣ», отвѣчалъ рыбакъ. — «Я тебѣ потому другъ», сказалъ молодецъ, «что прежде ты мнѣ много добра сдѣлалъ, отъ смерти меня спасъ. Я тотъ самый золотой сазанъ, котораго ты изъ невода выпустилъ. Я единственный сынъ рыбакаго царя; въ то время какъ тебя шахъ приказалъ посадить въ дырявую лодку и оттолкнуть ее въ море, я, видя, что ты страдаешь за меня, позвалъ большихъ рыбъ и приказалъ имъ поддерживать лодку и везти ее къ острову, самъ-же я въ человѣка обратился и на встрѣчу къ тебѣ вышелъ. Сдѣланное тобою для меня добро я никогда не забуду; царевну и все это имущество, и деньги, отдаю тебѣ; будь счастливъ».

Перенесли они на морской берегъ все, привели туда-же и

царевну. Сказалъ золотой сазанъ: «возвращайся на свою родину, для переѣзда я пришлю большую рыбу; ты ничего не опасайся; садись на нее съ царевной, она васъ доставитъ къ самой двери твоего дома. Прощай!» Сказавъ это, ушелъ въ море золотой сазанъ. Черезъ часъ подплыла большая рыба, на островъ похожая. Взошелъ на нее рыбакъ, съ царевной, перенесли туда-же все имущество, кибитку поставили. Поплыла рыба по морю, скоро берегъ исчезъ изъ виду; плыли они нѣсколько дней; наконецъ пристала рыба къ берегу, противъ дома стараго рыбака; вышли они на берегъ, перенесли все имущество; уплыла большая рыба въ море. Вошелъ рыбакъ въ домъ; отецъ, мать, его увидали, отъ радости заплакали. Сказалъ отецъ: «сынъ мой! радуюсь, что ты нашелъ себѣ счастье; но если шахъ о томъ услышитъ, опять велитъ тебя убить». — «Къ шаху я самъ пойду!» сказалъ сынъ. Оставилъ онъ у отца царевну, все драгоцѣнности, попрощался, пошелъ къ шаху. Пришелъ, поклонился, сказалъ привѣтствіе. Шахъ его спросилъ: «ты что за человѣкъ»? Отвѣчалъ ему рыбакъ: «я вашъ виновный рабъ, приговоренный вами къ смерти; я сынъ стараго рыбака и самъ рыбакъ». — «Если ты рыбакъ», сказалъ шахъ, «откуда у тебя такая дорогая одежда»? Тутъ разсказалъ рыбакъ шаху, одно за другимъ, все что съ нимъ случилось. Выслушалъ его шахъ и сказалъ: «вину твою прощаю»!

Приказалъ шахъ мастерамъ выстроить новый хорошій домъ, возлѣ дома стараго рыбака. Подарилъ этотъ домъ его сыну, сказавъ: «вину твою простилъ, жена твоя царская дочь, надо ей въ хорошемъ домѣ жить»!

«Я еще на ней не женился», сказалъ рыбакъ, «не хотѣлъ этого сдѣлать безъ вашего позволенія». Понравились шаху эти слова, велѣлъ онъ созвать почетныхъ людей, позвалъ кадіевъ, муллъ, совершилъ бракъ, большой пиръ сдѣлалъ.

Сталъ молодой рыбакъ съ своей женой жить въ счастіи и довольствіи. Старикъ со старухой, глядя на нихъ, радовались.

III.

Локманъ.

Въ древнія времена, былъ царь, очень правосудный, очень хороший царь. Изъ дней въ одинъ день, увидалъ царь сонъ; приказалъ со всего царства собрать астрологовъ, ученыхъ, гадалщиковъ. Собрались они; сказалъ имъ царь: «узнайте, что я видѣлъ сегодня во снѣ»? Пошли астрологи на звѣзды смотрѣть, ученые книги читать, гадалщики гадать; кончили, пришли къ царю, сказали: «вы видали во снѣ, что будете на яву, какъ мудрецъ Локманъ, понимать языкъ всѣхъ птицъ и звѣрей». — «Правда!» сказалъ царь; «но знаете-ли, какъ мнѣ этого достигъ»? Отвѣчали они: «на одномъ островѣ живетъ змѣиный царь; надо достать его мяса, варить; первый наваръ съ саломъ выбросить; потомъ опять варить, пока выступитъ желтый жиръ; кто выпьетъ этотъ жиръ, тотъ сдѣлается такимъ-же мудрымъ, какъ Локманъ». — «Кто-же можетъ найти этого змѣя и ко мнѣ принести?» спросилъ царь. Пошли астрологи, на звѣзды посмотрѣли, ученые книги читали, гадалщики погадали; кончили, къ царю пришли, сказали ему: «въ вашемъ царствѣ, у такого-то человѣка, есть двѣнадцатилѣтній сынъ; только этотъ мальчикъ можетъ найти змѣинаго царя, поймать его и принести къ вамъ». Велѣлъ царь тотчасъ привести къ нему этого человѣка; привели. — «Есть у тебя двѣнадцатилѣтній сынъ?» спросилъ царь. — «Есть», отвѣчалъ онъ. — «Сейчасъ приведи его ко мнѣ!» сказалъ царь. Пошелъ человѣкъ домой, взялъ сына, привелъ его къ царю. — «Послушай, мальчикъ!» сказалъ царь, «прикажу тебѣ сдѣлать одно дѣло, сдѣлаешь-ли его?» — «Удастся, такъ сдѣлаю!» отвѣчалъ мальчикъ. — «Даю тебѣ сорокъ дней сроку», сказалъ царь, «въ это время поймай и принеси ко мнѣ змѣинаго царя. — Нѣтъ! этого дѣла мнѣ не сдѣлать», сказалъ мальчикъ, «гдѣ и какъ найду я змѣя? для такого дѣла я еще совсѣмъ малъ». — «Я знаю, что только ты одинъ можешь поймать змѣя, иначе не приказывалъ-бы тебѣ», сказалъ царь. — «Хорошо; можно-ли будетъ, нельзя-ли будетъ, а постараюсь исполнить ваше приказаніе», сказалъ мальчикъ.

Приказалъ царь дать мальчику на сорокъ дней хлѣба, на сорокъ дней воды, посадить его въ исправную лодку и пустить

ее по морю. Поплылъ мальчикъ, плыль нѣсколько дней; пристала лодка къ острову, вышелъ мальчикъ на берегъ. Въ одну сторону прошелъ, въ другую сторону прошелъ, видитъ: идетъ какой-то человѣкъ. Пошелъ мальчикъ къ нему на встрѣчу, подошелъ, поздоровался, тотъ его спросилъ: «что ты за мальчикъ? зачѣмъ и откуда пришелъ сюда?» Мальчикъ отвѣчалъ: «ахъ! господинъ мой! я сюда попалъ по волѣ и приказанію нашего царя». — «Га! я хорошо знаю, зачѣмъ ты здѣсь, тебѣ приказалъ царь найти змѣйнаго царя, такъ-ли?» сказалъ человѣкъ. — «Да, правда!» сказалъ мальчикъ. — «Я тебѣ скажу, какъ найти и поймать змѣйнаго царя», сказалъ человѣкъ. Мальчикъ очень обрадовался и сказалъ: «господинъ мой! да вознаградить тебя Богъ, если ты поможешь мнѣ окончить это дѣло». — «Слушай, что я тебѣ скажу, то ты и сдѣлай», сказалъ человѣкъ. — «Сдѣлаю все, что прикажешь», сказалъ мальчикъ. — «Отыщи ты чашку и сундукъ», сказалъ человѣкъ. — «И то и другое есть у меня», сказалъ мальчикъ. — «Хорошо», сказалъ человѣкъ, «иди въ эту сторону, дойдешь до воды, увидишь въ ней много буйволовъ; скоро они выйдутъ изъ воды, буйволицы станутъ своихъ буйволятъ кормить; ты потихоньку подойди къ нимъ, надой цѣлую чашку молока, потомъ все въ ту же сторону иди дальше, встрѣтишь множество змѣй, ты ихъ не бойся, иди дальше; сначала тебѣ будутъ встрѣчаться небольшія змѣи; но чѣмъ дальше будешь идти, тѣмъ все крупнѣе и крупнѣе будутъ становиться змѣи. Ты смѣло иди къ нимъ, ни одна тебя не тронетъ; когда увидишь змѣй величиною съ гору и между ними небольшую площадку, иди туда и тамъ остановись; поставь сундукъ, постели въ него ваты, чашку съ молокомъ поставь возлѣ; крышку подними, самъ ложись тутъ-же и притворись спящимъ. Змѣи тотчасъ дадутъ знать своему царю, что стоитъ чашка, полная молока, около нея сундукъ съ ватой и одинъ спящій мальчикъ. Змѣинный царь очень любитъ молоко: какъ только услышитъ объ этомъ, сейчасъ придетъ, все молоко выпьетъ, насытится, спать захочетъ, залѣзетъ въ сундукъ, въ кольцо свернется, заснетъ; ты не зѣвай, скорѣй вставай, захлопни крышку сундука, ключемъ запри, самъ сверху садись. Когда змѣй проснется, будетъ тебя словами очень стращать, убить пообѣщается. Ты ничего не бойся, съ сундука не слѣзай. Потомъ станетъ тебя змѣй просить отпустить его; будетъ обѣщать тебѣ много золота, драгоценностей, — ты ничему не вѣрь, сиди; потомъ, когда змѣй уймется, прикажи ему тебя, сидящаго на сундукѣ, доставить домой; онъ это сдѣ-

лаеть. Прибывши въ свое царство, не слушай змѣя, чтобы онъ тебѣ ни говорилъ, возьми и отнеси его къ царю, отдай ему,—что онъ захочетъ, то съ нимъ и сдѣлаешь». Окончивъ эти слова, человѣкъ исчезъ.

Подумалъ мальчикъ, подумалъ о всемъ, что слышалъ, сказалъ: «сдѣлаю-ка я такъ, какъ онъ говорилъ». Взялъ онъ въ руки чашку, взвалилъ на плечи сундукъ, пошелъ въ указанную сторону; дошелъ до воды, увидѣлъ буйволовъ, подождаль, вышли буйволы изъ воды, стали буйволицы своихъ буйволятъ кормить; поставилъ онъ сундукъ на землю, потихонько подошелъ къ буйволицамъ, налилъ полную чашку молока, взвалилъ сундукъ на плечи, пошелъ опять въ ту-же сторону; скоро встрѣтилъ небольшихъ змѣй; не испугался; пошелъ дальше, увидалъ крупныхъ змѣй, ничего не боясь пошелъ дальше, дошелъ до змѣй величиною съ гору, отыскалъ между ними чистое мѣсто, остановился тамъ, поставилъ сундукъ на землю, открылъ его, постелилъ ваты, возлѣ чашку съ молокомъ поставилъ, самъ легъ на землю и отъ усталости заснулъ. Проснулся, видитъ: молоко все выпито, а змѣиный царь, свернувшись кольцомъ, въ сундукѣ спитъ; вскочилъ мальчикъ, захлопнулъ крышку сундука, ключемъ заперъ, самъ сверху сѣлъ.

Черезъ нѣсколько времени очнулся змѣиный царь; съ гнѣвомъ закричалъ: «кто осмѣлился меня въ сундукъ запереть? Послушай, мальчикъ! сейчасъ меня выпусти, нето убью тебя, прикажу змѣямъ, въ одинъ мигъ разтерзаютъ тебя!» Мальчикъ сказалъ: «дѣлай, что хочешь; я тебя не выпущу и самъ съ сундука не сойду, пока ты меня, съ сундукомъ, не доставишь въ наше царство». Тогда змѣиный царь сталъ его просить: «ай, дитя мое! выпусти меня, дамъ тебѣ все, что ты захочешь—серебра, золота, драгоценныхъ камней, жемчугу, выпусти меня!» Мальчикъ сказалъ: «что-бы ты ни далъ, не могу тебя выпустить, я долженъ исполнить царское приказаніе».

Приказалъ змѣиный царь змѣямъ поднять сундукъ съ мальчикомъ и доставить въ его царство; собрались змѣи, обвили около сундука, подняли его, понесли къ берегу, въ воду вошли, по морю поплыли. Приплыли въ царство мальчика, на берегъ сундукъ вынесли, поставили на землю. Снова сталъ змѣиный царь мальчика просить: «дитя мое! освободи меня, сдѣлаю тебя самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ; есть у меня только одинъ сынъ; съ тобой — два будетъ. Царя своего ты не бойся; не до-

пушу я, чтобы онъ лишилъ тебя жизни!»! Разжалобился мальчикъ, подумалъ: «такъ меня просить змѣй; а я для него ничего не сдѣлалъ; выпущу-ка я его». Слѣзъ онъ съ сундука, отворилъ его, выползъ оттуда змѣиный царь, обвинилъ мальчика хвостомъ, сказалъ: «дитя мое! ничего не бойся; слушай, что я тебѣ скажу, помни мои слова; первое: тебя царь очень строго будетъ допрашивать, куда ты дѣвалъ пойманнаго тобой змѣя; смотри не говори, до-тѣхъ-поръ, пока тебѣ не будетъ угрожать неизбежная смерть; второе: вотъ тебѣ волосъ отъ моего уса; когда тебѣ будетъ надобность во мнѣ, прійди на это мѣсто и сожги его, я тотчасъ прійду къ тебѣ». Мальчикъ сказалъ: «хорошо! буду все помнить и все исполню». Попрощались они; мальчикъ домой воротился, какъ будто-бы съ нимъ ничего не случилось; змѣиный царь уползъ. Прибѣжалъ мальчикъ домой, увидалъ его отецъ, сказалъ: «здравствуй, сынокъ! благополучно-ли ты возвратился?» — «Благодареніе Богу!» отвѣчалъ мальчикъ, «благополучно». — «Что, принесъ ты змѣинаго царя?» спросилъ отецъ. — «Нѣтъ, батюшка! не видалъ я его; сколько ни искалъ, не нашелъ», отвѣчалъ мальчикъ. — «Ахъ, сынокъ! убьетъ тебя за это царь, лишимся мы тебя! Бѣги, дитя мое, отсюда въ чужую сторону», сказалъ отецъ. — «Нѣтъ! никуда я не пойду; посмотримъ, что Богъ дастъ, то и будетъ», сказалъ онъ.

Взялъ мальчикъ свои бабки, пошелъ на улицу съ товарищами играть. Такъ прошло нѣсколько времени; однажды созвалъ царь астрологовъ, ученыхъ, гадалщиковъ, сказалъ имъ: «теперь прошелъ уже срокъ, данный мною мальчику для поимки змѣинаго царя; узнайте, живъ мальчикъ или погибъ?» Посмотрѣли астрологи на звѣзды, ученые книги почитали, гадалщики погадали, кончили, къ царю пришли, сказали: «мальчикъ змѣинаго царя поймалъ, домой возвратился и отъ васъ скрывается». Велѣлъ царь пять человекъ послать, отыскать мальчика и къ нему привести. Пошли эти люди, пришли, не нашли мальчика въ домѣ, отца его спросили: «вернулся твой сынъ или нѣтъ?» — «Нѣтъ, еще не возвращался. Я его не видалъ», сказалъ отецъ. Пошли царскіе посланные назадъ, пришли, сказали царю, что мальчика не нашли, онъ еще домой не возвращался. Призвалъ царь астрологовъ, ученыхъ, гадалщиковъ; разсердившись, сказалъ: «зачѣмъ неправду говорите? мальчикъ еще не возвращался». — «Онъ на улицѣ съ товарищами въ бабки играетъ», сказали они. Послалъ царь тѣхъ-же людей поймать мальчика на улицѣ; пошли они, увидалъ ихъ

мальчикъ, догадался, что это его ищутъ, побѣжалъ, въ одномъ старомъ, развалившемся домѣ спрятался. Подошли царскіе люди, искали, искали его, не нашли, пришли къ царю, сказали, что нигдѣ не нашли. Кликнулъ царь астрологовъ, ученыхъ, гадальщиковъ, спросилъ: «гдѣ теперь мальчикъ?» — «Въ старомъ домѣ спрятался», отвѣчали они. Опять послалъ царь искать мальчика въ старомъ домѣ; пошли, всѣ уголки осмотрѣли, мальчика не нашли; онъ домой ушелъ. Воротились посланные къ царю, сказали: «нигдѣ не нашли». Увидѣлъ царь, что ему трудно мальчика поймать, позвалъ старыхъ умныхъ людей, сталъ съ ними совѣтоваться. Одинъ старикъ сказалъ: «царь, я знаю, какъ его поймать; прикажите въ полѣ сдѣлать большую загородку, съ однимъ выходомъ; когда она будетъ готова, велите собрать туда всѣхъ мужчинъ, отъ малаго до стараго; угостите ихъ всѣхъ, потомъ садитесь у выхода и прикажите, чтобы всѣ, раздѣвшись донага, выходили-бы по-одиночкѣ. Кто хоть разъ видѣлъ змѣйнаго царя, того сейчасъ можно узнать, — у него все тѣло будетъ пестрое». Понравился царю этотъ совѣтъ; приказалъ онъ строить загородку, съ однимъ выходомъ; построили; велѣлъ царь созвать туда всѣхъ мужчинъ, отъ шести лѣтъ до шестидесяти; собрали, сдѣлалъ имъ царь пиръ; кончился пиръ, сѣлъ царь у выхода; приказалъ всѣмъ донага раздѣться и, одинъ за другимъ, выходить изъ загородки. Раздѣлись всѣ, начали выходить, пошелъ и мальчикъ; какъ увидели царскіе люди, что тѣло у него пестрое, схватили его, подвели къ царю. — «Ты когда возвратился?» спросилъ царь. — «Сегодня», отвѣчалъ мальчикъ. Кликнулъ царь палачей, велѣлъ имъ повалить мальчика на землю, дать ему сорокъ ударовъ палкой по брюху. Повалили его палачи, дали сорокъ ударовъ, подняли, поставили. — «Это тебѣ за ложь!» сказалъ царь; «теперь говори правду! Гдѣ змѣинный царь?» — «Не видалъ я змѣйнаго царя», отвѣчалъ мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ дать ему сорокъ ударовъ палкою по спинѣ. Повалили палачи мальчика, дали сорокъ ударовъ по спинѣ, подняли, поставили. — «Эй, мальчикъ! говори правду», сказалъ царь, «поймалъ-ли ты и принесъ-ли змѣйнаго царя?» — «Если-бы я его принесъ, то сказалъ-бы, не видалъ я его!» отвѣчалъ мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ дать ему сорокъ палокъ по правому боку. Повалили палачи мальчика, дали сорокъ ударовъ по правому боку, подняли, поставили. — «Слушай, мальчикъ! правду говори; а не то велю тебя убить», сказалъ царь. — «Если-бы что зналъ, то сказалъ-бы», отвѣчалъ

мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ дать ему еще сорокъ ударовъ палкою, по лѣвому боку. Повалили палачи мальчика, дали ему сорокъ ударовъ по лѣвому боку, подняли, поставили.—«Эй, мальчикъ! скажи правду, не то сейчасъ умрешь ты», сказалъ царь.—«Столько мученій я ужъ вытерпѣлъ, что сказалъ-бы,—не нашелъ я змѣйнаго царя; не мучьте меня больше!» сказалъ мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ повалить мальчика на спину и лить ему въ ротъ крѣпкій разсолъ. Повалили палачи мальчика, стали лить ему въ ротъ разсолъ, скоро лишился онъ чувствъ, остановились палачи. Черезъ нѣсколько времени очнулся мальчикъ, подняли его, поставили. Царь сказалъ: «если еще разъ нальютъ тебѣ въ ротъ разсолу, ты умрешь. Говори правду!»—«Ничего не видалъ», сказалъ мальчикъ. Велѣлъ царь палачамъ опять его повалить и вливать въ ротъ разсолъ, подошли къ нему палачи; тогда мальчикъ сказалъ: «ну, теперь я сдержалъ свое слово. Змѣйнаго царя я видѣлъ и завтра въ это время принесу его къ вамъ». — «Какое ты слово сдержалъ?» спросилъ царь.— «Я обѣщалъ змѣйному царю не говорить, что видѣлъ его, пока мнѣ не будетъ угрожать явная смерть», отвѣчалъ мальчикъ. — «Иди, приведи змѣя!» сказалъ царь и приказалъ двумъ челоуѣкамъ идти съ нимъ и присматривать, чтобы онъ не убѣжалъ. Пошелъ мальчикъ, пришелъ на то мѣсто, гдѣ разстался съ змѣйнымъ царемъ, развелъ огонь, досталъ волосъ, данный ему змѣемъ, сжегъ его. Тотчасъ явился змѣиный царь, съ женою и сыномъ, и сказалъ мальчику: «сынъ мой! очень благодарю тебя за то, что ты ради меня вытерпѣлъ столько мученій; мнѣ все извѣстно. Теперь я готовъ умереть; на мѣсто меня сынъ мой будетъ змѣйнымъ царемъ, и ты тоже будешь царемъ, вмѣсто настоящаго царя; будешь ученъ и мудръ, какъ Локманъ. Сдѣлай вотъ что: возьми мечъ, разруби меня на три части, голову и хвостъ здѣсь зарой въ землю, середину отнеси, царю отдай; царь прикажетъ тебѣ ее варить, ты первый жиръ съ навару сними и влей въ бутылку; когда послѣ того наваръ еще закипитъ, ты собери всплывшій жиръ въ чашку и самъ его выпей». Взялъ мальчикъ мечъ, разрубилъ змѣя на три части, голову и хвостъ тутъ же въ землю зарылъ; попрощался съ женою и сыномъ змѣйнаго царя, самъ съ присмотрщиками понесъ среднюю часть къ царю. Принесли къ царю туловище змѣя; сказалъ царь мальчику: «ты нашелъ змѣя, ты и вари его мясо!»

Котелъ мальчику дали, таганъ дали, дровъ дали, воды

дали, ложку дали, чашку дали, бутылку дали; въ особый домъ ввели, двери заперли. Царь сказалъ ему: «смотри! какъ всплыветъ первый жиръ, собери его въ чашку; потомъ опять кипяти; всплыветъ второй жиръ, ты его собери въ бутылку; когда кончишь, дай мнѣ знать—я самъ приѣду, выпью тотъ жиръ, который будетъ въ бутылкѣ». — «Все исполню, какъ приказываете», сказалъ мальчикъ.

Поставилъ мальчикъ котелъ на таганъ, налилъ воды, положилъ змѣиное мясо, огонь развелъ; закипѣлъ наваръ, взялъ онъ ложку, снялъ сверху жиръ, влилъ его въ бутылку, опять сталъ кипятить наваръ, всплылъ второй жиръ, собралъ онъ его въ чашку. У дверей двое караульныхъ были, сказали имъ мальчикъ: «идите къ царю, скажите ему, что я окончилъ свое дѣло». Пошли они, сказали. Приѣхалъ царь съ нѣсколькими визирями, у дверей остановились, съ коней слѣзли, двери отворили, въ домъ вошли. Царь сказалъ: «благодари Бога, мальчикъ, за то, что ты все хорошо сдѣлалъ; много горя ты перенесъ, за это возьми выпей тотъ жиръ, который въ чашкѣ». Взялъ мальчикъ чашку, все выпилъ, ничего не оставилъ. Велѣлъ ему царь чашку хорошенько вымыть, вытереть, чтобы ни капли жиру въ ней не оставалось; вымылъ онъ чашку, чисто вытеръ. Велѣлъ ему царь вылить въ нее жиръ изъ бутылки; вылилъ онъ. Взялъ царь чашку, поднесъ ко рту, весь жиръ выпилъ. Уѣхалъ царь, съ визирями, во дворецъ; мальчикъ къ отцу домой пошелъ. Подходить къ дому, навстрѣчу ему ихъ собака бѣжитъ; приближала, говорить: «ну, господинъ мой, теперь ты сталъ такимъ-же мудрымъ, какъ Локманъ; сегодня царь умретъ, завтра ты царемъ будешь». Понялъ мальчикъ собачьи слова, дальше пошелъ, собака за нимъ побѣжала. Пришелъ мальчикъ домой, какъ будто-бы съ нимъ ничего не бывало; увидали его отецъ и мать; обрадовались, что онъ живымъ воротился.

Въ тотъ-же день заболѣлъ царь и послалъ за мальчикомъ; пошелъ мальчикъ къ царю, но еще и до города не дошелъ, какъ царь умеръ. Догадался народъ, что первый жиръ отъ змѣи выпилъ царь, а второй мальчикъ и что мальчикъ теперь сталъ ученъ и мудръ, какъ Локманъ. Въ то время былъ обычай: умершаго царя для похоронъ не выносить, пока на его мѣсто не будетъ избранъ новый царь. Сталъ народъ совѣтоваться, кого-бы избрать царемъ; у умершаго царя не было ни сына, ни брата; была только одна дочь; но дѣвица въ цари не годится. Былъ у

покойнаго царя въ клѣткѣ попугай, услышалъ онъ эти разговоры, сказалъ: «мальчикъ, принесшій змѣйнаго царя, да будетъ нашимъ царемъ; лучше его царя не найти». Услышалъ народъ эти слова, стали думать, всѣ согласились выбрать мальчика царемъ. Прошла ночь, утромъ возвели мальчика на тронъ, царемъ провозгласили; умершаго царя хоронить понесли.

Ставши царемъ, мальчикъ каждый день по три часа на тронѣ сидѣлъ, судъ производилъ; потомъ одинъ гулять за городъ ходилъ; слушалъ, что звѣри, птицы говорили; все понималъ, все зналъ отъ нихъ, гдѣ что дѣлается. Мудрымъ царемъ сдѣлался; народъ его очень любилъ.

Вотъ какъ мальчикъ сначала горе видѣлъ, потомъ радость видѣлъ и счастливымъ сдѣлался.

IV.

Злая жена.

Въ прошедшія времена жилъ-былъ одинъ человѣкъ; была у него злая, сварливая жена; сколько онъ ни старался ее исправить, ничего сдѣлать не могъ. Недалеко отъ нихъ, въ степи, былъ колодезь, въ сорокъ кулачей (сажень) глубиной; пришло мужу на умъ засадить жену въ этотъ колодезь, не исправится-ли она. Сказалъ онъ ей: «жена! знаешь глубокій колодезь? на двѣ его много золота; пойдемъ сегодня достанемъ его». — «Хорошо, пойдемъ!» отвѣчала жена.

Взяли они длинную веревку, пошли, пришли къ колодцу; мужъ сказалъ: «обвяжи меня вокругъ пояса, я спущусь въ колодезь, возьму золото и когда дерну веревку, ты меня вытащи». — «Постой!» сказала жена, «лучше я полѣзу въ колодезь, ты-то меня вытащишь, а вытащу-ли я тебя — не знаю». Обвязалась жена веревкой вокругъ поясицы, спустилъ ее мужъ въ колодезь; туда-же и всю веревку спустилъ; взялъ большой камень, навалилъ его на отверстіе колодца, самъ домой пошелъ, сталъ спокойно своими дѣлами заниматься. Черезъ три дня захотѣлось ему посмотрѣть, что его жена дѣлаетъ; пришелъ онъ къ колодцу,

приподнял камень, видитъ: лѣзетъ изъ колодца дивъ; испугался онъ, поскорѣй камень опустилъ. Тогда дивъ сказалъ ему: «послушай, молодецъ! подними камень, выпусти меня, я тебѣ, что ты захочешь, дамъ». — «Да зачѣмъ тебѣ хочется вылѣзть изъ колодца?» спросилъ человѣкъ. — «Много уже лѣтъ я прожилъ спокойно въ этомъ колодцѣ», сказалъ дивъ, «никто меня не тревожилъ; нѣсколько дней тому назадъ спустилась ко мнѣ какая-то женщина; нѣтъ мнѣ отъ нея покоя, отъ дурного ея обращенія со мной хочу теперь бѣжать». — «Эта женщина моя жена, очень я радъ, что отъ нея избавился», сказалъ человѣкъ. — «Выпусти меня!» снова сталъ просить дивъ, «я сдѣлаю такъ, что вашъ царь отдастъ тебѣ въ жены свою дочь». — «Не выпущу! обманешь!» сказалъ человѣкъ. — «Повѣрь! слова мои правдивы, выпусти меня!» сказалъ дивъ. Отвалилъ человѣкъ камень, выпустилъ дива. — «Теперь ты иди домой», сказалъ дивъ, «а я пойду мучить царскую дочь; она будетъ бѣситься, царь со всѣхъ странъ ученыхъ созываетъ; придутъ. Они станутъ читать, но отъ ихъ чтенія она не выздоровѣетъ. Тогда ты назовишься ученымъ и иди къ царю. Царь объявитъ, что тому человѣку, который вылѣчитъ его дочь, онъ отдастъ ее въ жены. Ты иди къ царевнѣ; какъ только придешь, я ее оставлю и она выздоровѣетъ; тогда ты на ней женишься». Пошелъ человѣкъ домой, а дивъ въ царскій дворецъ, вошелъ въ царскую дочь и началъ ее мучить, стала она бѣситься. Велѣлъ царь со всѣхъ странъ ученыхъ созвать; собрались ученые, читали, читали, ничего не сдѣлали. Тогда царь велѣлъ объявить по всему царству, что тотъ, кто вылѣчитъ царевну, женится на ней. Услышалъ объ этомъ мужъ злой жены, пришелъ къ царю, сказалъ: «я ученый, пришелъ вашу дочь лѣчить; если позволите, вылѣчу». — «Иди, лѣчи!» сказалъ царь, «не вылѣчишь — велю тебя казнить!»

Согласился онъ на это, пошелъ къ царевнѣ; какъ только увидалъ его сидѣвшій въ ней дивъ, сказалъ ему: «добро пожаловать, молодецъ! слушай, что я тебѣ скажу: я теперь уйду, царевна выздоровѣетъ и ты на ней женишься; но смотри, если услышишь, что я въ другомъ мѣстѣ буду какую-либо дѣвицу мучить, не смѣй туда приходить». Молодецъ на это отвѣчалъ: «если женюсь на царской дочери, на что мнѣ другія дѣвицы? Не пойду туда, гдѣ ты будешь». Оставилъ дивъ царевну, ушелъ. Царевна выздоровѣла, встала. Извѣстили царя, что дочь его вылѣчилъ пришедшій ученый. Царь сказалъ: «слово мое неизмѣнно!» Велѣлъ большой

пирь сдѣлать, отдалъ дочь замужъ. Женился молодецъ, остался жить съ женой у царя. Прошло нѣсколько времени; вздумалось диву войти въ дочь сосѣдняго царя; вошелъ онъ въ нее, сталъ ее мучить, взбѣсилась она. Тогда этотъ царь послалъ къ первому царю посла; пріѣхалъ посолъ, сказалъ: «нашъ царь приказалъ извѣстить васъ, что его дочь очень заболѣла и просить прислать къ нему того ученаго, теперь зятя вашего, который вылѣчилъ вашу дочь; можетъ быть, онъ поможетъ и нашей царевнѣ». Призвалъ царь зятя, сказалъ ему: «сосѣдній царь зоветъ тебя, его дочь заболѣла, поѣзжай! вылѣчи ее! Не посмѣлъ онъ царя ослушаться, согласился ѣхать. Сѣлъ на коня, одинъ поѣхалъ. Подъѣзжаетъ онъ къ городу, а навстрѣчу ему дивъ вышелъ, сердито спросилъ его: «ты зачѣмъ, молодецъ, ѣдешь? не говорилъ-ли я тебѣ: не ходи туда, гдѣ я буду дѣвицъ мучить; за это я тебя самого до смерти замучу». — «Я сюда пріѣхалъ не для того, чтобы царскую дочь лѣчить», отвѣчалъ онъ. — «Такъ зачѣмъ-же?» спросилъ дивъ. — «Моя первая жена вылѣзла изъ колодца, тебя вездѣ ищеть и теперь сюда идетъ; узнавъ объ этомъ, я поскорѣй сюда пріѣхалъ, тебѣ сказать», отвѣчалъ молодецъ. — «Правду-ли ты говоришь?» сказалъ дивъ. — «Правду истинную!» сказалъ молодецъ. — «Ну!» сказалъ дивъ, «ты иди вылѣчи царскую дочь, а я убѣгу подальше отсюда!» Изчезъ дивъ, а молодецъ отправился въ городъ. Самъ царь вышелъ къ нему на встрѣчу, сказалъ: «дочь моя выздоровѣла; мучившій ее дивъ тебя испугался, знаю я; отдаю тебѣ въ жены мою дочь». Взялъ молодецъ другую царскую дочь, женился на ней, въ домъ свой возвратился, съ двумя женами весело и счастливо жить сталъ.

V.

Сѣрый братъ и сѣрая сестра.

Давно, давно, было-ли, не было-ли, жилъ-былъ одинъ богатый человекъ; у него одинъ сынъ былъ и одна дочь была. Сына звали — сѣрый юноша, дочь — сѣрая дѣвица; оба очень были похожи другъ на друга. Изъ дней въ одинъ день, умеръ богатъ;

чисто его обмыли, въ бѣлый саванъ завернули, глубоко въ землю закопали, крѣпко могилу утоптали, кушаньемъ, питьемъ помянули; домой ушли. Послѣ похоронъ отца, братъ съ сестрой въ одной кибиткѣ жить стали; мать ихъ не захотѣла вмѣстѣ съ ними жить, потому-что была любовницей одного дива. Изъ дней въ одинъ день, женщина эта сказала диву, своему любовнику: «эй, дивъ! сынъ мой очень силенъ; если узнаетъ, что ты мой любовникъ, онъ тебя живымъ не оставитъ, убьетъ!» — «Что-же намъ дѣлать?» сказалъ дивъ. — «Какъ-бы сынъ не узналъ о тебѣ; ты, когда увидишь его, уходи!» сказала она. — «Днемъ бѣжать мнѣ нельзя», сказалъ дивъ; «лучше давай убьемъ твоего сына». — «Какъ-же мы его убьемъ?» спросила она. Дивъ сказалъ: «Я тебѣ дамъ ремень, ты имъ сыну оба большіе пальца на рукахъ свяжи и скажи, чтобы онъ разорвалъ ремень; онъ согласится, но не смотря на его силу, вытянетъ ремень во всю длину рукъ, а не разорветъ его; послѣ этого, ты еще разъ свяжи ему пальцы, тогда я сдѣлаю свое дѣло». Согласилась женщина, отъ дива ремень взяла; дивъ взялъ въ руки мечъ, спрятался у ней въ кибиткѣ.

Сѣрый юноша каждый день приходилъ навѣщать мать, и въ этотъ день онъ пришелъ и сказалъ: «здравствуй мать! здорова-ли? каково поживаешь?» — «Я одна въ кибиткѣ живу, боюсь!» сказала она. — «Кого-же ты боишься? вѣдь я сынъ твой, защищу и охраню тебя», сказалъ онъ. — «Какая у тебя сила?» сказала она. — «Слава Богу, у меня силы довольно; самъ это знаю», отвѣчалъ онъ. — «Ай, дитя мое! достанетъ-ли у тебя силы вотъ этотъ ремень разорвать?» сказала она. — «Этотъ ремень не только я, но и всякій мальчикъ разорветъ», отвѣчалъ онъ. — «Дай-ка я тебѣ свяжу имъ большіе пальцы, а ты попробуй разорвать», сказала мать. — «На, вяжи!» сказалъ сынъ, протягивая руки. Взяла она ремень, крѣпко связала имъ оба большіе пальца рукъ сына; сказала: «ну! теперь рви!» Потянулъ молодецъ ремень, тянулъ, тянулъ, во всю длину рукъ вытянулъ, не разорвался ремень. — «Дурно связала, давай еще разъ свяжу», сказала мать. Подставилъ сынъ руки, взяла она ремень, снова оба большіе пальца крѣпко имъ стянула, завязала, сказала: «ну-ка? рви!» Снова сталъ молодецъ ремень вытягивать; въ это время выскочилъ дивъ, мечомъ его по шеѣ ударилъ, упала его голова на землю. Взяли они отрубленную голову и туловище, изъ кибитки вынесли, въ степи на землю бросили; сами, ничего уже не опасаясь, спать легли.

На другой день утромъ, сидѣла сѣрая дѣвица у дверей своей

кибитки, въ степь смотрѣла; видитъ—въ одномъ мѣстѣ много воронъ летаетъ; пошла она въ ту сторону, увидѣла голову и туловище, подбѣжала къ нимъ, узнала, что это ея братъ убитъ. Ни слова не сказавши, взяла она голову и туловище, отнесла въ свою кибитку; до вечера горько плакала, потомъ взяла иглу, съ шелковой ниткой; приставила отрубленную голову на свое мѣсто, крѣпко пришила; одѣла трупъ брата въ свое платье, а сама въ его платье одѣлась. Завернула брата въ полотно, крѣпко увязала, положила. По закатѣ солнца вышла она изъ кибитки, поймала братнинаго коня, осѣдлала его, вынесла трупъ брата, крѣпко его къ сѣдлу привязала, надѣла оружіе брата, сѣла на коня, въ степь необозримую поѣхала.

Нѣсколько дней, нѣсколько мѣсяцевъ, ѣдучи по степи, пріѣхала сѣрая дѣвица къ большому дереву; подѣхала къ нему, съ коня слѣзла; подумавъ, сама себѣ сказала: «положу-ка я брата на дерево, между вѣтвями, тамъ его ни собаки, ни волки, ни птицы не тронутъ». Взобралась она на дерево, положила брата, вѣтвями укрыла, слѣзла съ дерева, сѣла на коня, поѣхала прямо впередъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхала сѣрая дѣвица, одѣтая мужчиной, въ большой городъ. Въ то время у царя этого города былъ большой пиръ; велѣлъ царь на високомъ шестѣ золотое кольцо укрѣпить; объявилъ, что тотъ, кто на скаку собьетъ стрѣлой это кольцо, получитъ въ жены его дочь. Много было охотниковъ, пускали стрѣлы, никто кольца не сбилъ; взяла сѣрая дѣвица лукъ, стрѣлу вынула, уперлась въ стремя, поскакала, пустила стрѣлу, золотое кольцо съ шеста полетѣло, на землю упало. Очень обрадовался царь тому, что такой красивый молодецъ будетъ его зятемъ; подозвалъ его къ себѣ, спросилъ: «кто ты такой? откуда и куда ѣдешь? кто твой отецъ?»—«Мое имя сѣрый юноша, отецъ мой былъ такой-то, ѣду я изъ такого-то царства», отвѣчала она. Приказалъ царь гостей созвать, большой пиръ сдѣлалъ, женилъ сѣраго молодца на своей дочери. Послѣ пира отвели родственницы царевну къ сѣрому молодцу, въ особый домъ, попрощались, однихъ оставили. Усѣлись молодые, за руки не взяли; сказала сѣрая дѣвица царевнѣ: «я тебя не трону, до-тѣхъ-поръ пока не вернусь на свою родину, далъ такое обѣщаніе». Просидѣли они всю ночь; какъ свѣтло стало, пошла сѣрая дѣвица къ царю, стала просить царя отпустить ее на родину. Позволилъ царь, добраго пути пожелалъ, дочери хорошее приданое далъ, въ путь снарядилъ, отправилъ. Поѣхали онѣ по дорогѣ къ тому дереву, на

которомъ былъ спрятанъ трупъ сѣраго молодца. Ъхали нѣсколь-
ко дней, оставался до дерева еще день пути, сѣрая дѣвица ска-
зала царевнѣ: «ты оставайся сегодня здѣсь, а я поѣду впередъ;
завтра утромъ отправляйтесь дальше, на дорогѣ попадется вамъ
большое дерево, возлѣ него будетъ пастись мой конь, а я буду
спать на верху, на вѣтвяхъ; если при твоёмъ прїѣздѣ не прос-
нусь, ты сама разбуди меня». Сказавъ это, сѣрая дѣвица поска-
кала впередъ къ дереву, прискакала, пустила коня на траву, взя-
ла листъ бумаги, написала на немъ все, что съ ней случилось—
взлѣзла на дерево, сняла съ брата свои платья, сама въ нихъ
одѣлась, а брата одѣла въ его платья; вложила за пазуху ему
написанную ею бумагу; слѣзла съ дерева, обратилась въ сѣраго
зайца, въ степь убѣжала. Много-ли, мало-ли бѣжала, попалась въ
капканъ, поставленный на зайцевъ однимъ молодымъ человѣ-
комъ. Нѣсколько дней прошло, какъ этотъ молодецъ ничего въ
свои капканы не поймалъ; вдругъ увидѣлъ онъ, что въ одинъ
капканъ зайцъ попался; побѣжалъ онъ къ этому капкану, высво-
бодилъ зайца, схватилъ его, въ ту-же минуту обратился зайцъ
въ красивую дѣвицу. Очень удивился молодецъ такому чуду.
Сказала ему сѣрая дѣвица: «ты меня не бойся; видно я предна-
значена тебѣ судьбой, ты долженъ жениться на мнѣ». Взялъ ее
молodeцъ, повелъ въ свой домъ, женился на ней.

Тутъ мы ихъ и оставимъ; расскажемъ, что случилось съ
царевной.

Въ назначенный день, утромъ, отправилась царевна въ путь;
прїѣхала къ большому дереву, увидала коня своего мужа, а его
самого—спящимъ на вершинѣ дерева, между вѣтвями. Приказала
она служанкамъ кибитку поставить, обѣдъ приготовить; сама, съ
одной служанкой, полѣзла на дерево мужа будить. Взлѣзли они
на дерево; приблизясь къ спящему, царевна открыла его лицо;
увидала, что онъ мертвый; испугалась; заплакала, рыдая говори-
ла: «ай! бѣда какая! что мнѣ теперь дѣлать? видно отъ Бога мнѣ
не суждено быть счастливой съ этимъ мужемъ!» Глядя на нее,
расплакалась и служанка. Въ это время видятъ онъ: бѣжитъ по
степи стадо сайгаковъ; одинъ сайгакъ наткнулся на сухой кустъ,
сучкомъ ему брюхо распоролъ. Закричалъ раненый сайгакъ;
услыша его крикъ, одинъ старый самецъ отдѣлился отъ стада,
побѣжалъ подъ дерево, набралъ въ ротъ какой-то травы, сталъ
ее жевать, жевалъ, жевалъ, пережевалъ, подбѣжалъ къ ранено-
му сайгаку, выплюнулъ жвачку на рану, тотчасъ рана срослась,

зажила; вскочилъ сайгакъ, вмѣстѣ съ прочими въ степь убѣжалъ.

Видя это, приказала царевна служанкѣ на деревѣ остаться, сама слѣзла на землю, отыскала ту траву, которую собиралъ сайгакъ, набрала ее полный ротъ, хорошенько пережевала, валѣзла на дерево, открыла голову сѣраго молодца, стала выплевывать траву на разрѣзъ; срослась голова съ туловищемъ; ожилъ сѣрый молодецъ, открылъ глаза, сказалъ: «Господи Боже! какъ я долго спалъ!», потомъ быстро вскочилъ на ноги, увидалъ царевну со служанкой. Царевна сказала: «пойдемъ внизъ, кибитка давно поставлена, кушанье готово, только за тобой была остановка». — «Хорошо! идите въ кибитку, я сейчасъ туда-же приѣду», отвѣчалъ ей сѣрый молодецъ. Когда царевна съ служанкой сошли съ дерева, сѣрый молодецъ подумалъ: какъ это случилось, что онъ вдругъ очутился на деревѣ; осмотрѣлся кругомъ, сунулъ руку за пазуху, нашелъ бумагу, писанную его сестрой, прочелъ, что тамъ было написано, узналъ все, что съ нимъ и съ сестрой до этого времени случилось. Горько онъ заплакалъ, не зная, куда дѣвчалась его сестра, обратившись въ сѣраго зайца. Соскучилась царевна, дожидая его; послала служанку сказать ему, что кушанье простынетъ. Слѣзъ сѣрый молодецъ съ дерева, вошелъ въ кибитку, съ царевной пообщалъ. Остались они на этомъ мѣстѣ; нѣсколько дней вмѣстѣ, какъ мужъ съ женой, прожили. Въ одинъ день разсказалъ сѣрый молодецъ царевнѣ все, что съ нимъ случилось, прочиталъ ей, что сестра его написала передъ тѣмъ, какъ обратилась въ сѣраго зайца. Выслушавъ его разсказъ, царевна сказала: «теперь я понимаю, почему послѣ свадьбы она не легла со мною спать: я-бы узнала, что она дѣвица, а не мужчина». Прожилъ сѣрый молодецъ съ женой еще нѣсколько времени, потомъ попросилъ у ней позволенія ѣхать отыскивать свою сестру; сказала ему жена: «не могу тебя удерживать, поѣзжай, отыщи ее!». Сѣлъ на коня сѣрый молодецъ, оружіе надѣлъ, поѣхалъ отыскивать свою сестру, обратившуюся въ сѣраго зайца. Много дней, много мѣсяцевъ ѣздилъ; во многихъ городахъ былъ, нигдѣ сестры не нашелъ. Наконецъ, пріѣхалъ онъ въ одинъ городъ, видитъ: на улицѣ мальчики въ бабки играютъ; подѣхалъ онъ къ нимъ, сталъ на ихъ игру смотрѣть. Одинъ мальчикъ, приготовляясь бросить бабку, сказалъ: «не своей рукой бросаю, рукой сѣраго дяди бросаю!». Услышавъ эти слова, взялъ сѣрый молодецъ этого мальчика, отвелъ его въ сторону, спросилъ: «за-

чѣмъ ты говорилъ, бросая бабу, что бросаешь ее рукою сѣраго дяди? Мальчикъ отвѣчалъ: «мнѣ мать моя приказала такъ говорить всякій разъ, когда буду что-либо бросать, а если кто меня спроситъ, зачѣмъ я такъ говорю, того привести къ ней; а какъ ты спросилъ, то и прошу тебя: пойдемъ въ нашъ домъ». — «Какъ зовутъ твою мать?» спросилъ сѣрый молодецъ. — «Моя мать сѣрая дѣвица», отвѣчалъ мальчикъ. Заплакалъ молодецъ отъ радости, пошелъ къ сестрѣ. Мальчикъ впередъ побѣжалъ, матери все разсказалъ; выбѣжала она изъ дома, увидала своего брата; узналъ и онъ сестру, слѣзъ съ коня, обнялъ ее; пошли они обнявшись въ домъ, сѣли, стали другъ друга спрашивать; пришелъ и мужъ ея, обнялъ его. Разсказалъ братъ сестрѣ все, что съ нимъ случилось, и она ему о себѣ все разсказала. Пробылъ сѣрый молодецъ у сестры нѣсколько дней, потомъ къ женѣ поѣхалъ; пріѣхалъ, разсказалъ ей, какъ нашелъ сестру. Прошло немного времени; захотѣлось сѣрому молодцу узнать, что подѣлываетъ его мать; сказалъ онъ объ этомъ женѣ; осѣдлалъ коня, оружіе надѣлъ, сѣлъ, поѣхалъ по дорогѣ къ отцовскому кочевью. Ъхалъ, ѣхалъ, ночью пріѣхалъ къ своей кибиткѣ, вошелъ, увидалъ въ ней нѣсколько играющихъ мальчиковъ, — всѣ на дива похожи; догадался, что всѣ они рождены его матерью отъ дива; всѣхъ ихъ убилъ. Пошелъ въ кибитку къ матери, нашелъ ее спящею съ дивомъ; на одной постелѣ, обоихъ сразу убилъ. На разсвѣтѣ собралъ тѣла всѣхъ убитыхъ имъ, вынесъ, въ глубокий колодезь бросилъ, сверху большой камень навалилъ. Возвратясь отъ колодца, поѣхалъ сѣрый молодецъ къ женѣ, съ нею вмѣстѣ перекочевалъ на свою родину. Узналъ объ этомъ народъ, всѣ къ нему приходили, говорили: «теперь враговъ своихъ ты истребилъ, друзей приобрѣлъ, живи въ счастіи и довольствѣ».

VI.

Золотое яблоко.

Было-ли, не было-ли, когда-то жилъ-былъ царь; дожилъ онъ до шестидесяти лѣтъ, а жена его до пятидесяти пяти лѣтъ; но не было у нихъ ни сына, ни дочери, никакого потомства не бы-

ло. Однажды сидѣлъ царь, задумавшись; пришла къ нему царица, сказала: «о чемъ ты думаешь»? Отвѣчалъ царь: «думаю о потомствѣ». Сказала ему царица: «такъ не сиди, ступай въ степь, выбери уединенное мѣсто, чтобы никто тебя не видѣлъ; помолись усердно Богу. Можетъ быть, Богъ и дастъ кого-нибудь». Понравились царю эти слова, велѣлъ онъ себѣ приготовить кушанья на дорогу, осѣдлать коня, одѣлся, оружіе взялъ, привязалъ въ торока запасы и молитвенный коврикъ, сѣлъ на коня, поѣхалъ въ степь. Ыхалъ онъ, ѣхалъ, на девятый день подѣхалъ къ горѣ, взобрался на нее, слѣзъ съ коня, пустилъ его на траву, самъ разостлалъ коврикъ, началъ Богу молиться. Только окончилъ молитву, видитъ: подошелъ къ нему весь обросшій волосами дервишъ, поздоровался; царь отвѣтилъ ему. Тогда дервишъ сказалъ: «эй, царскій сынъ! въ этомъ мѣстѣ что дѣлаешь»? Царь подумалъ, что это, можетъ-быть, самъ Богъ ему явился; всталъ съ мѣста, сложилъ на груди руки и сказалъ: «господинъ мой! я такого-то царства царь; потомства у меня нѣтъ; если самъ умру, некого будетъ на мое мѣсто оставить. Пріѣхалъ я на эту гору молить Бога о дарованіи мнѣ потомства». Дервишъ сказалъ ему: «я тебѣ двухъ сыновей дамъ; но когда имъ исполнится по четырнадцать лѣтъ, ты одного долженъ отдать мнѣ». Отвѣчалъ ему царь: «если это сбудется, видитъ Богъ, одного сына себѣ оставлю, другого тебѣ отдамъ». Вынулъ дервишъ изъ-за пазухи одно яблоко, подалъ его царю и сказалъ: «возьми это яблоко, поѣзжай домой; въ тотъ день, когда пріѣдешь, разрѣжь яблоко пополамъ; одну половину самъ съѣшь, другую отдай женѣ твоей съѣсть; отъ этого родятся у васъ два сына; старшій сынъ вамъ останется; младшаго мнѣ отдадите, когда ему исполнится четырнадцать лѣтъ». — Сказалъ царь: «хорошо, все такъ сдѣлаю», взялъ яблоко, сѣлъ на коня, домой поѣхалъ, дервишъ на томъ-же мѣстѣ остался. Пріѣхалъ царь домой, разрѣзалъ яблоко пополамъ; одну половину самъ съѣлъ, другую половину съѣла царица. Забеременѣла царица, въ надлежащее время родила двухъ сыновей. Очень радовался этому царь, большой пиръ сдѣлалъ, скачку сдѣлалъ. Исполнилось мальчикамъ семь лѣтъ; призвалъ царь ученаго муллу, отдалъ ему сыновей учиться; учились мальчики до четырнадцати лѣтъ; помнилъ царь, что въ этотъ годъ надо отдать младшаго сына. Въ одинъ день сказали царю, что пришелъ весь обросшій волосами дервишъ и просить позволенія войти; приказалъ царь впустить его. Вошелъ дервишъ; увидѣлъ царь, что это тотъ са-

мый, который далъ ему яблоко; поздоровался съ нимъ царь, на первое мѣсто посадилъ. Дервишъ сказалъ: «царь! у насъ вѣдь есть старое условіе»? — «Да, господинъ!»! отвѣчалъ царь. — «Ну! такъ прикажи скорѣй привести мальчиковъ; я своего возьму и уйду!»! сказалъ дервишъ. Послалъ царь за сыновьями; пришли они. Царь, съ царицей, оба со слезами на колѣни упали, стали просить дервиша не брать отъ нихъ сына, обѣщали взаимно отдать ему все, что-бы онъ ни потребовалъ. Дервишъ сказалъ: «нѣтъ! кромѣ мальчика, мнѣ ничего не надо». Взялъ онъ младшаго сына и ушелъ съ нимъ. Шли они нѣсколько дней, пришли на ту гору, гдѣ царь Богу молился, взошли наверхъ, сѣли, поѣли; дервишъ сказалъ мальчику: «сынь мой! я тебя пошлю въ одно мѣсто; что прикажу тебѣ, исполни точно! Отсюда ты пойдешь по дорогѣ, которую я тебѣ укажу; идя по ней, ты прійдешь къ дверямъ золотого дворца, отвори двери и войди; увидишь большой камень, обложенный яхонтами, изумрудами, алмазами и жемчугомъ; на томъ камнѣ будетъ стоять коробка, ты ее возьми, выйди и возвратись сюда. Когда ты возьмешь коробку, со всѣхъ сторонъ послышатся звуки, выйдутъ къ тебѣ дѣвицы, станутъ просить, чтобы ты поставилъ коробку на мѣсто; ты ни на что не смотри, ни слова не говори, уходи. Потомъ станутъ страдать тебя со всѣхъ сторонъ; иди—ничего не бойся; потомъ будутъ давать тебѣ золотое яблоко,—не смотри на него и не бери, уходи. Благополучно принесешь мнѣ коробку, я тебя отвезу къ отцу твоему и отдамъ тебя обратно; если-же, взявъ коробку, ты тамъ скажешь хотя одно слово или возьмешь еще что-нибудь, то и ты пропадешь и я погибну». Сказавши это, вывелъ дервишъ мальчика на дорогу, по которой ему надо было идти. Пошелъ мальчикъ, шелъ, шелъ, пришелъ къ дверямъ золотого дворца, отворилъ двери, видитъ: осыпанный драгоценными камнями большой камень, на немъ стоитъ коробка; взялъ онъ ее, назадъ пошелъ; вдругъ явилось двѣнадцать дѣвицъ, сказали ему: «эй, молодецъ! куда уходишь, остался, поиграй съ нами». Ничего не сказалъ имъ мальчикъ, шелъ себѣ потихоньку; поднялся шумъ, крикъ, гамъ; ни на что не обращая вниманія, шелъ себѣ мальчикъ; подкатилось къ его ногамъ чудесное золотое яблоко, взглянулъ онъ на него, не утерпѣвъ, взялъ его въ руки. Только что онъ поднялъ яблоко, исчезло все и онъ очутился въ мрачномъ подземельи, усыпанномъ человѣческими костями. Сказалъ тогда мальчикъ: «ахъ, Боже мой! зачѣмъ я забылъ приказаніе дервиша!»!

Сѣлъ онъ, заплакалъ; когда успокоился, сталъ думать, что ему дѣлать; думалъ, думалъ, вздумалъ посмотрѣть: что такое въ коробкѣ; открылъ онъ ее, увидалъ свѣчку, зажегъ ее, въ ту же минуту явились двѣнадцать дѣвицъ, которыхъ онъ видѣлъ. Стали дѣвицы съ нимъ играть, смѣяться; позабавившись, сказали ему: «эй, молодецъ! позволь намъ уйти». Онъ-же сказалъ имъ: «пускай одна изъ васъ покажетъ мнѣ дорогу, по которой я-бы могъ уйти изъ этого сквернаго мѣста». Младшая дѣвица сказала: «иди за мной; я тебѣ покажу дорогу; недалеко отсюда есть отверстіе, въ него выйдешь». Привела она его къ отверстію и сказала: «теперь отпусти насъ; потуши свѣчку и закрой коробку, мы исчезнемъ». Потушилъ царевичъ свѣчку, закрылъ коробку; исчезли дѣвицы; ошущью добрался онъ до отверстія; съ большимъ трудомъ вылѣзъ изъ подземелья; осмотрѣлся кругомъ; вездѣ пусто, никого не видать. Не зная куда идти, сѣлъ онъ на землю, досталъ коробку изъ-за пазухи, зажегъ свѣчку, явились двѣнадцать дѣвицъ, стали съ нимъ играть, смѣяться, потомъ спросили: что ему нужно? Сказалъ имъ царевичъ: «куда мнѣ идти»? Младшая дѣвица сказала: «отдай мнѣ золотое яблоко, взамѣнъ его вотъ тебѣ кошелекъ; сколько нужно будетъ денегъ, изъ него бери, въ немъ всегда будетъ ихъ достаточно. Теперь иди вотъ въ ту сторону, скоро будетъ три дороги, ступай по правой — въ городъ прійдешь. Если еще въ насъ будешь имѣть нужду, зажги свѣчку, мы явимся къ тебѣ; теперь-же отпусти насъ». Отдалъ царевичъ ей яблоко, взялъ кошелекъ, потушилъ свѣчку, закрылъ коробку, исчезли дѣвицы. Кошелекъ, коробку за пазуху спрятавъ, пошелъ царевичъ въ указанную сторону; пришелъ къ тремъ дорогамъ, пошелъ по правой, шелъ нѣсколько дней, пришелъ въ большой городъ; пошелъ къ царю этого города, попросилъ мѣста для постройки дома. Позволилъ царь ему домъ построить. Выбралъ царевичъ мѣсто, красивый, удобный, домъ построилъ, лошадей купилъ, слугъ нанялъ, весело зажилъ. Въ одинъ день, сидя дома, открылъ онъ коробку, зажегъ свѣчку, явились двѣнадцать дѣвицъ, стали съ нимъ играть, смѣяться, вдоволь позабавились; младшая дѣвица подошла къ нему и сказала: «смотри, береги коробку и никому о ней не говори». Потушилъ царевичъ свѣчку, закрылъ коробку, исчезли дѣвицы.

Много уже денегъ, для расхода, вытаскилъ царевичъ изъ кошелька, а въ немъ все не убываетъ ихъ; видя такое благополучіе, возгордился онъ; велѣлъ осѣдлатъ себѣ коня, положилъ за

пазуху кошелекъ и коробку, сѣлъ, поѣхалъ, подѣхалъ къ воротамъ царскаго сада, хотѣлъ въ садъ ѣхать; не пустилъ его сторожъ, сказавъ: «въ этомъ саду никому нельзя гулять, кромѣ царя». Царевичъ сказалъ ему: «на, поддержи моего коня и вотъ этотъ кошелекъ, пока я вернусь изъ сада; за то, что ты меняпустишь въ немъ погулять, дамъ тебѣ сто червонцевъ». Взялъ сторожъ его коня, привязалъ у воротъ, взялъ и кошелекъ,—позволилъ царевичу по саду погулять. Вошелъ царевичъ въ садъ, весь обошелъ, все осмотрѣлъ; пришелъ къ царскому увеселительному дому, вошелъ въ него, увидѣлъ, что тамъ никого нѣтъ, сѣлъ, досталъ коробку, открылъ ее, зажегъ свѣчу, явились двѣнадцать дѣвицъ, стали съ нимъ играть, смѣяться.

Въ этотъ день царскій визирь вышелъ на прогулку; проходя возлѣ сада, онъ увидѣлъ привязанную у воротъ лошадь, подошелъ, спросилъ у сторожа: «кто зашелъ въ садъ»? Сторожъ отвѣчалъ: «пріѣхалъ какой-то молодой человекъ, обѣщался дать мнѣ сто червонцевъ, въ залогъ оставилъ вотъ этотъ кошелекъ; я его пустилъ въ садъ». Визирь, увидя кошелекъ, взялъ его, сунулъ къ себѣ за пазуху; пошелъ въ садъ; вошелъ въ домъ, въ которомъ царевичъ игралъ и смѣялся съ дѣвицами; незамѣченный ими, визирь сѣлъ и сталъ смотрѣть, какъ играли дѣвицы между собой и съ царевичемъ. Наплеваявшись, наигравшись, дѣвицы стали просить царевича отпустить ихъ; потушили онъ свѣчку, закрылъ коробку, исчезли дѣвицы. Подошелъ къ нему визирь и сказалъ: «у тебя, молодецъ, чудесная вещь есть; съ сегодня будемъ друзьями». Позвалъ нукеровъ своихъ и приказалъ имъ подать вина; принесли вино, сталъ царевичъ его пить; скоро опьянѣлъ, упалъ и заснулъ. Визирь вынулъ у него изъ-за пазухи коробку, къ себѣ положилъ; приказалъ шестерымъ нукерамъ взять спящаго царевича, въ степь отвезти, тамъ убить его, намочить его кровью рубашку и привезти къ нему. Взяли нукеры царевича, отвезли въ степь, выбрали скрытое мѣсто, приготовились убить его; видя это, одинъ изъ нукеровъ сказалъ остальнымъ: «большой грѣхъ мы сдѣлаемъ, если убьемъ этого, ни въ чемъ невиннаго, человека». Остальные ему отвѣчали: «мы должны исполнить приказаніе визиря, не разбирая, виноватъ этотъ человекъ, или нѣтъ». Но первый нукеръ снова сталъ ихъ просить не убивать его; скоро и прочіе нукеры, боясь грѣха, согласились съ нимъ. Сняли они рубашку съ царевича; убили орла, его кровью намочили рубашку, возвратились въ городъ, отдали ее визи-

рю. Черезъ нѣсколько времени отрезвился царевичъ, проснулся, всталъ, видѣть: нѣтъ у него ни кошелька, ни коробки, ни рубашки, все пропало. Не зная онъ, что дѣлать, пошелъ куда глаза глядятъ, скоро пришелъ въ одну деревню, тамъ нанялся къ хлѣбопеку въ работники, хлѣбъ носить на продажу.

Визирь, овладѣвъ коробкой, задумалъ показать царю чудесныя ея свойства; для этого просилъ царя со всѣмъ семействомъ, съ знатными людьми со всего царства, прійти къ нему на пиръ. Всѣхъ родныхъ, всѣхъ знакомыхъ позвалъ визирь. Царь, царица, сыновья ихъ, дочери ихъ, знатные люди, родные, знакомые, всѣ собрались къ визирю на пиръ. Поѣли, попили, повеселились; сказалъ визирь всему собранію: «теперь покажу вамъ чудесныя свойства вотъ этой коробки». Взялъ онъ коробку, открылъ, зажегъ свѣчу; въ ту-же минуту явились двѣнадцать здоровыхъ молодцовъ, съ дубинами въ рукахъ, и принялись колотить ими кто царя, кто царицу, кто царскихъ дѣтей, кто знатныхъ людей; никого не пропустили; всѣхъ отколотили; кому руку, кому ногу перебили, кому голову пробили, нѣсколькихъ чело-вѣкъ до смерти избили; кончивъ свое дѣло, потушили свѣчу и исчезли. Самъ царь закрылъ коробку, взялъ ее къ себѣ, домой пошелъ; визиря приказалъ въ тюрьму посадить. На другой день утромъ собралъ царь весь народъ, сталъ спрашивать, кому принадлежитъ чудесная коробка. Слуги царевича сказали, что коробка принадлежитъ ихъ господину; но куда онъ самъ дѣвался, не знаютъ. Тогда шесть визирскихъ нукеровъ сказали царю: «эти люди говорятъ правду; визирь, взявъ отъ ихъ соннаго господина коробку, намъ приказалъ отвезти его въ степь и тамъ его убить; но мы, боясь грѣха, его не убили, а оставили соннаго въ степи; гдѣ-же онъ теперь, не знаемъ». Приказалъ царь разослать людей по всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ, велѣлъ вездѣ спрашивать, найти его и привести къ нему. Нѣсколько посланныхъ пришли въ ту деревню, гдѣ жилъ царевичъ; узнали, что недавно къ хлѣбопеку нанялся какой-то неизвѣстный чело-вѣкъ. Призвали его, спросили: кто онъ? Сначала не открылся имъ царевичъ, а сказалъ: «я бѣдный чело-вѣкъ, ничего не знаю». Но какъ они отъ него не отставали, все хотѣли узнать, кто онъ такой, то и рассказалъ онъ все, что зналъ и видѣлъ. Взяли они его, привели къ царю. Узналъ его царь, спросилъ: «ты не тотъ-ли молодецъ, который просилъ у меня позволенія домъ построить»? — «Да, тотъ самый!» отвѣчалъ царевичъ. — «Узнаешь-ли ты эту коробку?» спросилъ царь. — «Много горя претерпѣвъ, опять на-

шелъ я свою коробку; но при ней долженъ быть еще кошелекъ». Послалъ царь за кошелькомъ, пошли въ тюрьму къ визирю, взяли у него кошелекъ, принесли. Царь опять спросилъ: «Хорошо! эти обѣ вещи твои-ли?»—«Мои», отвѣчалъ царевичъ.—«Какія онѣ имѣютъ свойства?»—«Въ кошелькѣ деньги не истощаются, сколько-бы ихъ ни вынимали изъ него; а свойство коробки, если желаете, я покажу вамъ», сказалъ царевичъ.—«Не нужно!» закричалъ царь, «въ другомъ мѣстѣ показывай!»—«Ахъ, государь!» сказалъ царевичъ, «отъ меня непріятнаго ничего не будетъ; это бываетъ только у тѣхъ, которые зло сдѣлали». Открылъ коробку, зажегъ свѣчку; явились двѣнадцать дѣвицъ. Обрадовался, успокоился царь, сѣлъ, стали съ нимъ дѣвицы играть, смѣяться; досыта натѣшился царь. Попросили дѣвицы позволенія уйти; потушилъ царевичъ свѣчку, закрылъ коробку, исчезли дѣвицы.

Сказалъ царь царевичу: «Ай спасибо, молодецъ! милость моя къ тебѣ; отдаю тебѣ одну изъ дочерей моихъ». Не зналъ царевичъ, что и отвѣчать на это; долженъ былъ согласиться. Сдѣлалъ царь большой пиръ, выдалъ дочь замужъ за царевича. Вышелъ потихоньку царевичъ изъ дому, зашелъ въ уединенное мѣсто, вынулъ коробку, открылъ ее, зажегъ свѣчку, явились двѣнадцать дѣвицъ; начали играть, смѣяться; сказалъ онъ имъ: «что мнѣ дѣлать? царь далъ мнѣ жену, противъ моей воли». Младшая дѣвица сказала ему: «на тебѣ золотое яблоко, иди съ женой за городъ гулять, брось яблоко на землю,—куда оно покатится, туда и ты иди». Потушилъ онъ свѣчку, закрылъ коробку, исчезли дѣвицы; возвратился царевичъ къ царевнѣ, женѣ своей, сказалъ ей: «вечеромъ гулять поѣдемъ». Наступилъ вечеръ, сѣли они на коней, поѣхали по городу кататься. Ыздили, ѣздили, выѣхали за городъ; бросилъ царевичъ на землю золотое яблоко; покатилося оно шибко; поѣхали они за нимъ. Катилосъ яблоко, катилосъ, приватилосъ къ золотому дворцу; вышли изъ дворца двѣнадцать дѣвицъ, встрѣтили ихъ, сказали царевичу: «слѣзай съ коня, а царевну отпусти совсѣмъ въ домъ, къ отцу». Спросилъ царевичъ: «какъ-же она найдетъ дорогу въ такую темную ночь»? Сказали ему дѣвицы: «ты золотое яблоко назадъ пусти, оно доведетъ ее до дому». Бросилъ царевичъ на землю яблоко; сказалъ царевнѣ, чтобы она возвратилась къ отцу. Покатилося золотое яблоко, поѣхала за нимъ царевна, на утренней зарѣ пріѣхала къ дверямъ своего дома, слѣзла съ коня, пошла къ отцу, все ему разсказала.

Двѣнадцать дѣвицъ ввели царевича во дворецъ, посадили

его, сами стали въ рядъ, руки сложили, сказали: «сейчасъ прійдутъ наши госпожи». Очень довольный сидѣлъ царевичъ; вдругъ явились двѣнадцать пери, каждая красивѣе восходящаго солнца. Какъ увидѣлъ ихъ царевичъ — выскочилъ у него умъ изъ головы, только черезъ нѣсколько времени назадъ въ голову возвратился. Усѣлись возлѣ него двѣнадцать пери, а прежнія двѣнадцать дѣвицъ, какъ служанки, стояли. Ничего не сказалъ царевичъ, все любовался красотою пери; наконецъ одна изъ нихъ сказала: «мы всѣ двѣнадцать — дочери царя и царицы пери; чтобы овладѣть нами, много погибло царскихъ сыновей, — никто не могъ. Тебѣ-же, какъ вымоленному у Бога и теперь единственному сыну у отца, потому-что братъ твой умеръ вскорѣ послѣ ухода твоего, Богъ помогъ сдѣлать то, чего доселѣ никто не могъ. Держишь, пославшій тебя сюда, узнавъ, что ты завладѣлъ коробкой, съ горя утопился въ морѣ. Всѣ твои желанія исполняла служанка нашей младшей сестры, потому-что тебѣ предназначена въ жены младшая изъ насъ». При этихъ словахъ младшая пери встала, подошла къ царевичу, подала ему руку, спросила: «чего ты желаешь? если хочешь возвратиться домой, въ эту-же ночь будешь тамъ». Захотѣлъ царевичъ воротиться домой, къ отцу. Вышли всѣ изъ золотого дворца, одна пери позвала огромнаго дива и приказала ему отвезти царевича, съ невѣстой и служанкой, въ домъ его отца. Подошелъ дивъ, легъ на землю; сѣли на него всѣ трое. Сказалъ имъ дивъ: «закройте глаза». Закрыли они глаза, въ ту-же минуту полетѣлъ дивъ; черезъ нѣсколько времени сказалъ дивъ: «ну! теперь откройте глаза». Открыли они глаза, увидели, что они уже въ городѣ, слѣзли съ дива, отпустили его. Скоро свѣтать стало; какъ взошло солнце, пошли они къ царскому дворцу; пришли, сторожа ихъ спросили: «что вы за люди»? Отвѣчалъ имъ царевичъ: «я сынъ вашего царя. Идите! извѣстите его о моемъ возвращеніи».

Побѣжалъ одинъ сторожъ къ царю, сказалъ: «вашъ сынъ пришелъ!», за хорошую вѣсть подарка попросилъ. Всталъ царь, сказалъ: «во снѣ-ли я это слышу, или на яву?»; позвалъ царицу; выбѣжали оба изъ дому, увидели сына, начали его обнимать, цаловать, съ радости заплакали; взяли, повели всѣхъ во дворецъ, спрашивать стали. Все, что съ нимъ случилось, рассказалъ царевичъ подробно отцу. Очень радовался царь возвращенію сына, гостей созвалъ, большой пиръ сдѣлалъ, кадіевъ, муллъ позвалъ, свадьбу справилъ; сына на свое мѣсто царемъ поставилъ.

VII.

Змѣя, кошка и собака.

Когда-то жилъ одинъ бѣдный молодецъ, была у него мать, отца не было; ѣсть имъ было нечего, лечь спать не на чемъ, покрыться нечѣмъ. Каждый день ходилъ молодецъ въ лѣсъ, набиралъ тамъ вязанку дровъ, на своей спинѣ относилъ ее на базаръ, продавалъ за два гроша; на одинъ грошъ покупалъ хлѣба, на другой—мяса; только этимъ и жилъ съ матерью. Въ одинъ день, продавъ свою вязанку дровъ за два гроша, пошелъ онъ покупать хлѣбъ; попались ему навстрѣчу два мальчика, тащатъ на веревкѣ котенка; сказалъ онъ имъ: «ахъ, ребятки! не грѣхъ-ли вамъ мучить котенка, куда вы его тащите?» Мальчики сказали ему: «будемъ таскать, пока не издохнетъ». — «Не мучьте его больше, лучше мнѣ отдайте!» сказалъ молодецъ. — «Если онъ тебѣ нуженъ, купи у насъ, дай одинъ грошъ», сказали мальчики. Вынулъ молодецъ изъ кармана грошъ, отдалъ имъ, взялъ котенка, подумалъ: что дѣлать! одинъ день, какъ-нибудь, проживемъ безъ мяса; купилъ на оставшійся грошъ хлѣба, пришелъ домой, матери сказалъ: «этого котенка мальчики хотѣли замучить; жалко мнѣ его стало, за одинъ грошъ купилъ его у нихъ; когда изъ дому буду уходить, тебѣ веселѣй будетъ; зато денекъ посидимъ на одномъ хлѣбѣ». Похвалила его мать за доброе дѣло. Съѣли они свой хлѣбъ, кусочекъ котенку дали. На другой день пошелъ, по обыкновенію, молодецъ въ лѣсъ, набралъ вязанку дровъ, принесъ на базаръ, продалъ за два гроша; пошелъ хлѣбъ покупать; навстрѣчу ему опять тѣ-же мальчики, тащатъ на веревкѣ щенка; спросилъ онъ ихъ: «куда вы тащите щенка?» — «Мы его тащимъ, чтобы утопить», отвѣчали мальчики. — «Эхъ, ребятки! не топите его, лучше мнѣ отдайте», сказалъ онъ. — «Нуженъ онъ тебѣ, такъ возьми! заплати намъ за него грошъ», сказали мальчики. Вынулъ молодецъ грошъ, отдалъ мальчикамъ, взялъ собаченку; на другой грошъ купилъ хлѣба, воротился домой, сказалъ матери: «матушка! сегодня для тебя купилъ еще за грошъ собачку; хотѣли ее мальчики утопить; пожалѣлъ я; опять безъ мяса денекъ просидимъ». Похвалила его мать за доброе дѣло; разрѣзала хлѣбъ на четыре куска: одинъ сама съѣла, другой сыну отдала, котенку и собаченкѣ по куску дала. Вечеромъ спать легли, утромъ рано

встали; пошелъ молодецъ въ лѣсъ, набралъ вязанку дровъ, принесъ на базаръ, за два гроша продалъ, пошелъ хлѣбъ покупать. Опять попались ему навстрѣчу тѣ-же мальчики, тащили они на веревкѣ маленькую змѣю; подошелъ къ нимъ молодецъ, спросилъ: «куда вы эту змѣю тащите?» — «Потаскаемъ, потаскаемъ, да и убьемъ ее», отвѣчали мальчики. — «Эй, ребята, грѣшно! лучше отдайте мнѣ эту змѣю», сказалъ онъ. — «Нужна тебѣ она, такъ возьми; только заплати намъ за нее грошъ», сказали мальчики. Вынулъ молодецъ грошъ, отдалъ имъ, взялъ змѣю, за пазуху положилъ; пошелъ на остальной грошъ хлѣба купилъ, домой воротился, матери сказалъ: «Матушка! сегодня вотъ эту змѣю купилъ». — «Для чего, для какой надобности ты купилъ ее?» спросила мать. — «Жаль ее стало; кто знаетъ? можетъ быть и отъ нея какая-нибудь польза будетъ», сказалъ онъ. Въ этотъ день хлѣбъ въ пятеромъ ѣли. Вечеромъ спать легли, утромъ рано встали; молодецъ въ лѣсъ пошелъ, набралъ вязанку дровъ, отнесъ на базаръ, за два гроша продалъ, на одинъ грошъ хлѣба купилъ, на другой—мяса, всѣхъ накормилъ. Такимъ порядкомъ прошло нѣсколько времени. Однажды вышелъ молодецъ изъ дому, вслѣдъ за нимъ выползла змѣя, спросилъ онъ ее: «ты куда идешь?» — «Я тебѣ скажу кое-что, не знаю только, сдѣлаешь-ли ты?» отвѣчала ему змѣя. — «Говори! сдѣлаю», сказалъ молодецъ. — «Ты меня спасъ отъ смерти», сказала змѣя, «за это я хочу отплатить тебѣ добромъ. Я сынъ царя змѣинаго; у меня, кромѣ отца, есть еще мать, братья и сестры. Возьми меня, посади за пазуху и иди въ ту сторону, куда я покажу». Взялъ молодецъ змѣю, посадилъ за пазуху, пошелъ по указанной ею дорогѣ. Пришелъ въ лѣсъ, дальше пошелъ; змѣя его спросила: «не слышишь-ли ты особаго запаха?» — «Нѣтъ! не слышу», отвѣчалъ онъ. — «Когда услышишь, скажи мнѣ», сказала змѣя. Пошелъ молодецъ дальше въ лѣсъ, еще немного прошелъ, услышалъ дурной запахъ, змѣя о томъ сказала. — «Теперь пусти меня на землю, самъ оставайся здѣсь, никуда не уходи; когда я тебя позову, тогда иди ко мнѣ», сказала змѣя. Пустилъ молодецъ змѣю на землю; поползла она впередъ, становясь все больше и больше, пока не стала огромной змѣей. Навстрѣчу ей выползла другая большая змѣя, сошлись онѣ, обвилась хвостами, повертѣлись въ разные стороны, разошлись; поползли въ разные стороны; первая змѣя, ползи къ молодцу, все уменьшалась и уменьшалась, пока не сдѣлалась такою-же, какъ была прежде; приползла къ нему, сказала: «эта змѣя мой старшій братъ;

теперь ты опять положи меня за пазуху; дальше пойдёмъ». Положилъ молодецъ змѣю за пазуху, дальше пошелъ, черезъ нѣсколько времени снова услышалъ онъ дурной запахъ, сказалъ о томъ змѣѣ; она сказала ему: «теперь ты пусти меня на землю, скоро придутъ мои отецъ и мать, и съ ними много змѣй; но ты ничего не бойся. Станутъ тебя просить, чтобы ты отпустилъ меня; но ты не соглашайся; будутъ давать тебѣ много разныхъ вещей, денегъ, драгоценныхъ камней, — ничего не бери; проси только тотъ камушекъ, который всегда лежитъ у моего отца подъ языкомъ; скажи, что только за него отпустишь меня. Если согласятся на это, ты меня отдай; тогда я тебѣ скажу, какія свойства имѣетъ тотъ камушекъ». Сказавъ это, поползла змѣя навстрѣчу къ отцу; ползя, все становилась больше и больше, пока не стала большой змѣей. Встрѣтилась съ отцомъ, обвилися хвостами, поздоровались. Попросилъ змѣиный царь молодца зайти въ ихъ жилище, погостить у нихъ; змѣя его, опять сдѣлавшись маленькой, къ нему приползла; взялъ онъ ее, положилъ за пазуху, пошелъ къ змѣиному царю въ гости; пришелъ, нѣсколько дней гостилъ; сказала ему его змѣя: «теперь пора тебѣ домой, иди къ моему отцу, проси, чтобы тебя отпустилъ; будетъ онъ тебя просить меня отдать, ты, смотри, не отдавай до-тѣхъ-поръ, пока не получишь камушка, о которомъ я тебѣ говорила». Пошелъ молодецъ къ змѣиному царю прощаться, свою змѣю за пазуху посадилъ. Пришелъ, попросилъ позволенія домой идти. Сказалъ ему змѣиный царь: «послушай, молодецъ! ты сдѣлалъ добро моему сыну, теперь хочешь уйти отъ насъ; оставь мнѣ сына; за это я дамъ тебѣ все, что попросишь, — денегъ, драгоценныхъ камней». На это молодецъ сказалъ: «денегъ и драгоценностей не возьму, а если отдашь мнѣ тотъ камушекъ, который у тебя подъ языкомъ, то, такъ и быть, разстанусь съ своимъ другомъ, твоимъ сыномъ». Царь змѣиный сказалъ ему: «на что тебѣ тотъ камушекъ? вѣдь ты не знаешь его свойствъ! Лучше, я тебѣ дамъ такой камень, за который можно купить цѣлый городъ». Молодецъ сказалъ: «если не отдашь мнѣ того камушка, то другихъ мнѣ и тысячи не нужно; не возьму!» Увидалъ змѣиный царь, что нечего дѣлать, надо разстаться съ камушкомъ; вынулъ его изъ подъ языка, молодцу отдалъ. Взялъ молодецъ камушекъ, попрощался съ змѣинымъ царемъ, пошелъ, его змѣя пошла его провожать. Когда они отошли немного, змѣя сказала ему: «этотъ камушекъ имѣетъ вотъ какія свойства: если его положить подъ языкъ и пожелать чего

нибудь, то въ ту-же минуту исполнится всякое желаніе. Положи его подъ языкъ и скажи: хочу быть дома,—сейчасъ будешь тамъ. Что захочешь, то и сдѣлается. Но помни, что пріобрѣсть этотъ камушекъ много охотниковъ найдется». Попрощался молодецъ съ змѣею, поблагодарилъ ее; положилъ камушекъ подъ языкъ; подумалъ: хочу быть дома,—и въ ту-же минуту очутился дома, самъ не зная, какъ это сдѣлалось. Увидала его мать, очень обрадовалась; сѣли они, до вечера сидѣли, разговаривали. Когда совсѣмъ темно стало, вышелъ молодецъ изъ дому, положилъ камушекъ подъ языкъ, сказалъ: «пускай для меня и для матери будутъ царскія одежды и хорошія кушанья». Въ ту-же минуту все это явилось. Взялъ ихъ молодецъ, кушанья отнесъ къ матери, одежды спряталъ. Кушаньямъ старуха очень обрадовалась, сѣла она съ сыномъ, досыта наѣлись, остатки котенку и собаченкѣ отдали; спать легли, утромъ встали; сказалъ молодецъ матери: «ты, матушка, иди теперь къ царю, проси, чтобы онъ отдалъ за меня замужъ свою дочь. Если онъ согласится, то я дамъ ему все, что онъ пожелаетъ». Мать ему сказала: «мы не всегда находимъ, чего поѣсть, что-же мы можемъ дать царю? Сынъ сказалъ ей: «ты знай иди! можетъ что и найдемъ!»—«Смотри, сынокъ! какъ-бы не приказалъ царь и тебя и меня казнить», сказала она. Не отсталъ онъ отъ нея, пока не согласилась старуха идти къ царю; тогда молодецъ вынулъ богатое платье, далъ матери надѣть. Одѣлась старуха, возгордилась, подбодрилась, пошла въ царскій дворецъ; скоро пришла, пошла прежде къ царицѣ, сказала ей, зачѣмъ пришла. Разсердилась царица, съ гнѣвомъ сказала ей: «какъ смѣешь ты мнѣ это говорить? развѣ твой сынъ пара моей дочери? Пошла царица къ царю, со смѣхомъ сказала: «пришла какая-то старуха, сватаетъ нашу дочь за своего сына». Царь спросилъ ее: «какой-же ты дала отвѣтъ?»—«Никакого отвѣта не дала», отвѣчала царица. На это царь сказалъ: «такъ отпустить ее не годится; ты пришли ко мнѣ эту старуху, я ей отвѣчу». Привели старуху къ царю, спросилъ онъ ее: «что тебѣ надо?»—«Меня сынъ послалъ просить васъ отдать за него вашу дочь; что вы захотите, все мы вамъ доставимъ за это», отвѣчала она. Царь сказалъ: «если сдѣлаете все то, что я скажу, тогда выдамъ дочь». — «Приказывайте», сказала она и сложила на грудь руки. Тогда царь сказалъ: «возлѣ вашего дома постройте дворецъ, лучше и красивѣе моего дворца; отъ этого дворца и до моего чтобы была прямая дорога, съ обѣихъ сторонъ усаженная деревьями; кру-

томъ дворца чтобы былъ хорошій садъ; когда все это будетъ кончено, приходи ко мнѣ, я дамъ отвѣтъ; а до того, ты подумай только, не стыдно-ли тебѣ просить мою дочь? какъ я ее отдамъ! Поклонилась старуха царю, домой пошла; все, что было, пересказала сыну. Сынъ ей сказалъ: «все это въ моихъ рукахъ; въ одну ночь окончу!» Дождался онъ вечера; какъ только совсѣмъ темно стало, вышелъ онъ изъ дому, камушекъ подъ языкъ положилъ, сказалъ: «на этомъ мѣстѣ будь дворецъ, лучше и красивѣе царскаго дворца; вокругъ него садъ; а отъ него до царскаго дворца прямая дорога, обсаженная цвѣтущими деревьями. Во дворцѣ купанья, посуды и всего что-бы было вдоволь». Въ ту-же минуту все что онъ сказалъ исполнилось. Утромъ рано обошелъ молодецъ сады, дворецъ, все осмотрѣлъ, остался доволенъ; пошелъ къ матери, сказалъ ей: «ну, матушка! иди къ царю, скажи ему, что все, имъ приказанное, исполнено». Обрадовалась старуха, поскорѣе одѣлась, по новой дорогѣ приплясывая пошла въ царскій дворецъ, къ царицѣ вошла, сказала: «ай, государыня! царское повелѣніе мы исполнили». Пошла царица къ царю, сказала: «вчерашня старуха опять пришла; говорить, что твое приказаніе исполнено». — «Привести сюда эту старуху!» приказалъ царь. Привели старуху, спросилъ ее царь: «ну, старуха! все-ли сдѣлано, что я приказалъ?» — «Да, государь! все окончено», отвѣчала она. — «Ты иди себѣ домой», сказалъ царь, «я сейчасъ пойду осмотрю вашъ дворецъ и садъ». Воротилась старуха домой, все сыну рассказала. Одѣлся онъ въ богатую одежду, пошелъ въ свой дворецъ ожидать царя. Скоро пришелъ царь, съ царицей, дочерью, съ большой свитой. Увидали великолѣпный дворецъ, удивительный садъ, прекрасную дорогу, красиваго молодца въ богатыхъ одеждахъ. Сказала царица царю: «прійдется намъ отдать дочь нашу за этого молодца, вижу я, что онъ ее любитъ; да и она на него не дурно смотреть». Понравились эти слова царю. Осмотрѣли садъ, взошли все во дворецъ, пировать стали; подозвалъ царь молодца и дочь, сложилъ ихъ руки. На другой день сдѣлалъ царь большой пиръ, женилъ молодца на своей дочери, большое приданое далъ, рабовъ, рабынь далъ. Взялъ молодецъ жену въ свой дворецъ, сталъ съ ней въ счастіи и довольствѣ жить.

Каждый день ѣздилъ молодецъ съ царемъ, съ почетными людьми на охоту; цѣлый день забавлялись, соколами, борзыми собаками дичь травили; къ ночи домой возвращались. Въ одинъ

день, когда молодецъ былъ на охотѣ, пришелъ къ его женѣ одинъ изъ ея рабовъ, хитрый и злой, сказалъ ей: «госпожа моя! вы царская дочь, а мужъ вашъ изъ простыхъ людей, однако не говоритъ вамъ всего откровенно. Если-бы онъ уважалъ васъ, то рассказалъ-бы вамъ, какъ это онъ, въ одну ночь, успѣлъ построить такой дворецъ, насадить такіе сады. До-сихъ-поръ никто не зналъ этого; надо вамъ все узнать отъ него». — «Ей Богу! это правда!» сказала она; «сегодня-же ночью распрошу мужа обо всемъ». Услышавъ это, ушелъ рабъ. Наступилъ вечеръ, воротился молодецъ домой, поужиналъ, на одной постели легъ спать съ женой. Сказала она ему: «ты со мной, я съ тобой, другъ съ другомъ, вмѣстѣ, соединились; у тебя со мной, у меня съ тобой, все должно быть общее; но гдѣ-же откровенность, какая должна быть между мужемъ и женой?» — «Чего ты отъ меня хочешь? говори!» сказалъ онъ. — «Этотъ дворецъ, эти сады, это убранство, отъ кого ты получилъ?» сказала жена. — «Эхъ, красавица! милая моя! зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь? Развѣ это увеличить твое счастье? Не спрашивай больше, это тайна», сказалъ онъ. Жена однако не перестала его допрашивать, такъ, что онъ принужденъ былъ рассказать ей все; вынулъ камушекъ, показалъ ей и рассказалъ, какія чудесныя свойства онъ имѣетъ. Обрадовалась она, узнавши эту тайну. Ночь проспала, утромъ встала, опять молодецъ на охоту поѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ его отъѣзда, пришелъ къ его женѣ рабъ, сказалъ: «госпожа моя! узнали-ли о томъ, что я вамъ вчера говорилъ?» — «Узнала», отвѣчала она; «но тебѣ не скажу, ты кому-нибудь расскажешь». Сталъ рабъ божиться, клясться, что никому не скажетъ; просилъ ее рассказать, что узнала. Не вытерпѣла она; рассказала рабу все, что узнала отъ мужа. Обрадовался рабъ, выслушавъ ея рассказъ, сказалъ ей: «гай, госпожа моя! не знаете вы въ чемъ дѣло! зачѣмъ этотъ камушекъ оставляете у мужа? пусть отдастъ его вамъ; вы его въ сундукъ спрячете, — нуженъ будетъ, тогда и дадите ему; иначе, можетъ случиться, что онъ его потеряетъ». Подумала она, подумала, нашла, что рабъ говоритъ дѣльно; захотѣла въ ту-же ночь взять у мужа камушекъ. Ушелъ рабъ. Вечеромъ воротился молодецъ домой, съ охоты, поужиналъ съ женой, на одной постели спать легли. Тогда сказала жена: «отдай камушекъ мнѣ; я его спрячу въ сундукъ; всякій разъ, какъ онъ тебѣ понадобится, я его выну и отдамъ тебѣ, а то можетъ случиться, что ты его потеряешь». — «Оставь это дѣло»,

сказалъ мужъ; «пускай камушекъ будетъ у меня». Но она его не послушалась, стала къ нему ласкаться, просить отдать ей камушекъ; не выдержалъ молодецъ, вынулъ камушекъ, отдалъ его женѣ. Ночь проспала, утромъ встала; сѣлъ молодецъ на коня, на охоту поѣхалъ. Какъ только онъ уѣхалъ, пришелъ къ его женѣ рабъ, сказалъ ей: «ну, что, госпожа моя! взяли у мужа камушекъ»? — «Да, взяла», отвѣчала она; «онъ теперь въ моихъ рукахъ». — «Не покажете-ли его мнѣ? хотѣлъ-бы его рассмотреть», сказалъ рабъ. Сначала она не соглашалась показать ему камушекъ; но онъ такъ ее усиленно просилъ, что наконецъ она уступила; вынула камушекъ, положила его ему на руку. Началъ рабъ разсматривать камушекъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ; да вдругъ быстро положилъ его въ ротъ, подъ языкъ, и сказалъ: «этотъ дворецъ, сады, дорога, эта женщина, все это вмѣстѣ со мною да будетъ на противоположномъ берегу моря!» Въ ту-же минуту все сказанное имъ сдѣлалось.

Вечеромъ воротился молодецъ домой съ охоты; видитъ: нѣтъ ни дворца, ни садовъ, ни жены, ничего не осталось, все пропало. Вздохнулъ онъ, въ старый свой домъ пошелъ; встрѣтили его кошка и собака, сказали ему: «не горюй, не печалься, господинъ нашъ, мы постараемся возвратить тебѣ все потерянное». Сказавъ это, вышли обѣ изъ дому, прибѣжали на берегъ моря, сѣли. Кошка сказала собакѣ: «я немножко умѣю гадать по звѣздамъ; давай-ка узнаемъ, гдѣ намъ найти камушекъ»? Посмотрѣла; посмотрѣла на звѣзды, подумала, подумала, сказала: «дастъ Богъ, найдемъ! онъ на другомъ берегу моря». Тогда собака сказала: «садись на меня, я поплыву и перевезу тебя на тотъ берегъ». Усѣлась кошка на спину собаки, вошла собака въ воду, поплыла. Плыла по морю собака, сколько-то времени плыла, до берега доплыла. Увидали они дворецъ, прыгнула кошка на землю, къ дворцу побѣжала; собака на берегу осталась. Подбѣжала кошка къ дворцу, увидала мышиныя норки; стала она караулить, выскочила одна мышь, поймала ее кошка, въ зубахъ держать. Сказала ей мышь: «ай, кошечка, душа моя! чѣмъ я виновата передъ тобой, что ты меня съѣсть хочешь»? — «Ты мнѣ отъ Бога назначенная пища!» отвѣчала кошка. — «Ай, госпожа кошка!» сказала мышь, «сдѣлай мнѣ добро,пусти меня; я единственный сынъ у отца, собирался скоро жениться, сдѣлай милость,пусти!» — «Хорошо!» сказала кошка, «я-то тебѣ сдѣлаю добро, отпущу тебя; а ты сдѣлаешь-ли мнѣ, что я прикажу? говори!» — Мышь

сказала: «если по силамъ моимъ будетъ, то, что ты прикажешь—сдѣлаю!» Кошка сказала: «въ этомъ дворцѣ есть одинъ рабъ; у него во рту небольшой камушекъ, достань его и мнѣ принеси. Если принесешь тотъ камушекъ, то общаюсь не трогать ни одной мыши изъ твоей родни!» Обрадовалась мышь, сказала: «будь покойна! я скоро принесу тебѣ и отдамъ тотъ камушекъ». Выпустила кошка мышь, сказала ей: «иди, принеси! Если-же обманешь меня, то я переловлю всю твою родню, никого въ живыхъ не оставлю». Побѣждала мышь; какъ только наступила ночь, вошла она во дворецъ; увидала спящаго раба, обмокнула она свой хвостъ въ воду, потомъ его въ золѣ обвалила; потихонько подкралась къ рабу, сунула свой хвостъ въ его носъ; вскочилъ рабъ, зачихалъ, закашлялъ, выскочилъ у него камушекъ изъ рта, на землю упалъ. Быстро схватила мышь камушекъ, убѣжала, принесла его къ кошке, отдала ей. Поблагодарила ее кошка; сама къ собаке пошла, сказала ей: «ай, госпожа собака! нашла я камушекъ, возвратимся скорѣй домой». Обрадовалась собака, посадила кошку къ себѣ на спину, вошла въ воду, по морю поплыла; плыла собака, сколько-то времени плыла; немного еще оставалось плыть до берега, сказала она кошке: «послушай, кошка! много я трудовъ испытала, отдай мнѣ камушекъ; я сама отдамъ нашему хозяину». — «Не все-ли равно, у кого камушекъ?» сказала кошка; «вѣдь мы обѣ служимъ одному господину». Собака сказала: «такъ-то оно такъ; да все-таки давай мнѣ камушекъ!» — «Хорошо!» сказала кошка, «погоди! до берега осталось немного; выйдемъ на землю, тогда отдамъ тебѣ камушекъ!» — «Нѣтъ, такъ нельзя», сказала собака, «на этомъ мѣстѣ отдай!» Уступила кошка, сказала: «на, бери!» Подняла собака голову вверхъ, ротъ разинула, выпустила кошка камушекъ изъ рта; не успѣла собака его поймать—упалъ камушекъ въ воду; заплакали обѣ, на берегъ вышли, тамъ ушлись.

Дожидаась, когда возвратятся его кошка и собака, молодецъ каждый день ходилъ по городу и у всякаго встрѣчнаго спрашивалъ, не видалъ-ли онъ ихъ. Разъ, какой-то человекъ сказалъ ему, что видѣлъ, какъ его кошка и собака сидятъ на берегу и плачутъ. Обрадовался молодецъ этому извѣстiю, побѣждалъ на берегъ, видитъ, сидятъ его кошка и собака и обѣ плачутъ. Подошелъ онъ къ нимъ, сказалъ: «вы, скоты, о чемъ плачете? чего вы здѣсь сидите? идите домой!» — «Много мы виноваты передъ тобой», сказала собака; «нашли мы твой чудесный камушекъ, къ

тебѣ несли; но вотъ здѣсь недалеко въ воду упустили.—«Правду ли ты говоришь?» спросилъ молодецъ. Кошка и собака присягнули ему, что это правда. Пошелъ молодецъ по берегу, увидалъ человѣка, который сѣткою ловилъ рыбу, позвалъ его, сказалъ: «пойди-ка сюда! брось здѣсь сѣть, все что поймаешь мнѣ отдай!» Подошелъ рыбакъ, бросилъ сѣть въ море, вытащилъ; попалось счесть три, четыре рыбки; заплатилъ за нихъ молодецъ рыбаку, взялъ ихъ, домой пришелъ, выпотрошилъ, изъ одной рыбки вынулъ свой камушекъ. До вечера, сидя дома, съ кошкой и собакой забавлялся; когда совѣтъ темно стало, вышелъ молодецъ изъ дому, положилъ камушекъ подъ языкъ, сказалъ: «мой дворецъ, мои сады, моя жена, раба ея, все по-прежнему воротись на свое мѣсто!» Въ ту-же минуту все исполнилось. Побѣждалъ молодецъ къ царю, разсказалъ ему все что случилось, прибавилъ, что всему причиной былъ раба. Царь съ царицей, со свитой, съ палачами, во дворецъ къ молодцу пошелъ. Взошли, увидали, что раба собирается изнасиловать царскую дочь. Велѣлъ царь палачамъ взять раба, вывести и повѣсить. Во всю ночь царь съ царицей пировали у зятя, только утромъ домой ушли. Послѣ этого женился молодецъ съ женой въ счастіи и благоденствіи.

VII.

Столяръ и его жена.

Въ старыя времена жилъ-былъ царь. Разъ сидѣлъ царь съ своими визирями и почетными людьми, бесѣдовалъ. Кто-то сказалъ: «между красивымъ мужчиною и красивой женщиною несогласія не бываетъ». Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ: «въ нашемъ околоткѣ есть одинъ искусный столяръ; самъ красивъ и жена его хороша, кромѣ мужа ни на кого не смотреть». —«Ну, врядъ-ли она устоитъ отъ искушенія!» сказали оба царскіе визиря. «Нѣтъ!» сказалъ тотъ человѣкъ, «вы напрасно о ней такъ дурно говорите». Тогда оба визиря попросили царя потребовать столяра, дать ему какую-нибудь работу; сказали: «посмотримъ и его искусство и жену его испытаемъ въ его отсутствіе». Понра-

вилось это царю; приказалъ онъ сейчасъ-же послать за столяромъ. Пришелъ столяръ къ царю, поклонился ему, сталъ. Сказалъ ему царь: «послушай, молодецъ! говорятъ, ты искусный мастеръ; можешь-ли для меня хорошій дворецъ построить?» — «Могу, государь!» отвѣчалъ онъ. — «Я слышалъ, у тебя красивая жена», сказалъ царь; «ты здѣсь будешь своимъ мастерствомъ заниматься, въ твоѣ отсутствіе какъ-бы она не погуляла съ кѣмъ-нибудь другимъ?» — «Моя жена не сдѣлаетъ этого!» отвѣчалъ онъ. — «Такъ ты вѣришь своей женѣ?» спросилъ царь. — «Вполнѣ вѣрю!» отвѣчалъ онъ. — «Однако, если случится, что твоя жена загуляетъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, ты что тогда сдѣлаешь?» спросилъ царь. — «Если такое дѣло случится, то позволю убить себя!» отвѣчалъ онъ. — «Хорошо!» сказалъ царь и приказалъ дать ему сколько надо подмастерьевъ, работниковъ, матеріаловъ; мѣсто указать, гдѣ строить новый дворецъ. Построилъ мастеръ себѣ возлѣ этого мѣста домикъ, поселился въ немъ и усердно занялся постройкой дворца.

Черезъ нѣсколько времени, пришелъ одинъ изъ визирей къ царю, сказалъ: «государь! позволю мнѣ идти познакомиться съ женою нашего мастера и испытать ее». — «Иди!» сказалъ царь, «черезъ пятнадцать дней возвратись». Пришелъ визирь домой, взялъ полторы тысячи червонцевъ, поѣхалъ знакомиться съ женою столяра. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ визирь, одинъ, въ ту деревню, гдѣ жила жена столяра. Была въ той деревнѣ одна старуха, которая знакомила мужчинъ съ женщинами; къ ней и пріѣхалъ визирь. Встрѣтила старуха визиря у воротъ, ввела въ домъ, паласъ постелила, садиться попросила, потомъ спросила: «что угодно господину?» Визирь сказалъ: «дамъ тебѣ пятьсотъ червонцевъ, если приведешь ко мнѣ жену столяра». Взяла старуха пятьсотъ червонцевъ, обѣщалась скоро это дѣло устроить; пошла къ женѣ столяра, вошла въ ея домъ, сказала ей: «ай, дитя мое! съ тобой хочеть познакомиться царскій визирь; не пойдешь-ли для этого ко мнѣ?» Отвѣчала ей жена столяра: «ай, старушка! я и сама очень желаю съ нимъ познакомиться; но въ твой домъ мнѣ идти нельзя; я еще молодая женщина, стыдно мнѣ самой идти къ мужчинамъ; лучше пускай ночью визирь прійдетъ ко мнѣ». Обрадовалась старуха, домой побѣжала, сказала визирю: «ночью идите къ ней въ домъ». Обрадовался и визирь.

Въ домѣ столяра была глубокая яма, закрывавшаяся крышкой. Позвала жена столяра свою служанку, сказала ей, что надо

сдѣлать, когда прійдетъ визирь. Приготовили онѣ на ужинъ разныхъ кушаній, хорошую постель постелили, подушекъ наложили. Только день кончился, пришелъ визирь; жена столяра встрѣтила его у дверей, «добро пожаловать», сказала, просила на почетное мѣсто садиться, поужинать. Визирь сказалъ: «ахъ, сударыня! я усталъ съ дороги, лучше ляжемъ спать». — «Хорошо! ляжемъ, постель готова», сказала жена столяра и взглянула на служанку. Вышла служанка, потихонько подошла къ наружной двери, стала стучать въ нее. Визирь спросилъ: «это кто стучится въ двери»? — «Это стучитъ мой братъ», отвѣчала жена столяра; «съ тѣхъ поръ, какъ мужъ мой уѣхалъ, онъ каждый вечеръ, въ это время, навѣщаетъ меня; посидитъ немного и уйдетъ». — «Что же мнѣ дѣлать?» сказалъ визирь, «куда ты меня спрячешь»? — «Полѣзай, потъ, въ эту яму, сиди въ ней, пока братъ мой будетъ здѣсь», сказала она; обвязала визиря вокругъ пояса веревкой; спустила его въ яму, сверху крышкой закрыла; позвала служанку. Поужинали обѣ, спать легли, визирь въ ямѣ остался. Утромъ рано сталъ визирь кричать: «эй, сударыня! ради Бога, выпусти меня; по ошибкѣ зашелъ я къ тебѣ». Ничего она ему не отвѣтила. Долго кричалъ визирь; наконецъ, жена столяра сказала служанкѣ: «поди! спроси, что ему нужно». Пошла служанка, открыла крышку надъ ямой, сказала: «что тебѣ надо»? — «Вытащи меня отсюда!» сказалъ визирь. — «Госпожи моей нѣтъ дома, не могу тебя вытащить», сказала она. Тогда онъ сказалъ: «я голоденъ, дай хоть кусокъ хлѣба и воды». — «Госпожа моя ушла къ брату, мнѣ самой оставила только кусокъ хлѣба и кружку воды, велѣла очистить отъ сѣмянъ цѣлый мѣшокъ хлопка. Если ты этотъ хлопокъ вычистишь, то я тебѣ отдамъ свой хлѣбъ и воду», сказала служанка. — «Послушай!» сказалъ онъ, «дай мнѣ вѣсть; сто червонцевъ дамъ тебѣ за кусокъ хлѣба». — «Если даже и тысячу дашь, не дамъ! за деньги не продаю, чисти хлопокъ!» сказала она. Подождаль, подождаль визирь, началъ его крѣпко голодъ мучить, согласился онъ хлопокъ чистить. Дала ему служанка мѣшокъ хлопка, дала хлѣба, кружку воды дала, закрыла яму. Черезъ нѣсколько дней опять сталъ кричать визирь; открыла служанка яму, спросила: «что ты кричишь»? — «Кончилъ чистить хлопокъ, возьми его!» сказалъ визирь. Опустила служанка въ яму шнурокъ, привязалъ онъ мѣшокъ съ хлопкомъ, вытащила она; тогда визирь попросилъ хлѣба и воды; служанка сказала: «еще мѣшокъ хлопка очистить, дамъ тебѣ хлѣба и воды». — «Тащи!» сказалъ визирь. Дала она

ему еще мѣшокъ хлопка, кусокъ хлѣба, кружку воды; закрыла яму. Такимъ порядкомъ шли дни за днями.

Двадцать дней ждалъ царь возвращенія своего визиря; видя, что его нѣтъ, сказалъ другому визирю: «что это значитъ? срокъ давно окончился, а визирь мой не возвратился!» — «Государь! позволь мнѣ пойти узнать, что случилось», сказалъ второй визирь. Позволилъ царь ему идти; велѣлъ черезъ пятнадцать дней возвратиться. Пошелъ визирь домой, взялъ полторы тысячи червонцевъ, одинъ поѣхалъ въ деревню столара. Приѣхалъ въ домъ къ старухѣ, вышла она ему навстрѣчу, «добро пожаловать», сказала. Вошелъ визирь въ домъ, сѣлъ, сказалъ: «послушай, старуха! нѣсколько дней тому назадъ приѣзжалъ сюда визирь; не знаешь-ли, гдѣ онъ теперь?» Старуха отвѣчала: «тотъ визирь ночью пошелъ къ женѣ столара; я не видала, когда онъ оттуда воротился». Далъ ей визирь пятьсотъ червонцевъ, сказалъ: «сведи меня, старуха, съ женой столара». — «Приготовьтесь», сказала она; «я сейчасъ пойду къ ней». Пошла старуха къ женѣ столара, пришла, сказала ей: «ай, дитя мое! еще одинъ визирь пришелъ; говоритъ, что очень тебя любитъ, хочетъ познакомиться съ тобой». — «Хорошо!» отвѣчала она, «пускай ночью приходитъ». Обрадовалась старуха, домой прибѣжала, сказала визирю: «ночью идите къ ней». Наготовила жена столара разныхъ кушаній; постель постелила, подушекъ наложила, стала ожидать визиря; служанкѣ сказала: «и съ этимъ визиремъ поступишь такъ-же, какъ съ первымъ». Ночью пришелъ визирь въ домъ жены столара, вышла она ему навстрѣчу, поздоровалась, просила садиться; сѣлъ визирь на почетное мѣсто; попросила она его ужинать. — «Нѣтъ!» сказалъ онъ, «не хочу, съ дороги усталъ, лучше спать ляжемъ». Взглянула она на служанку; вышла служанка, потихонько подошла къ наружной двери, стала стучать въ нее. — «Кто это стучитъ въ дверь?» спросилъ визирь. — «Это мой братъ», отвѣчала жена столара, «онъ каждый вечеръ, въ это время, приходитъ меня навѣщать; посидитъ немного и уйдетъ». — «Какъ-же мнѣ быть?» сказалъ онъ, «не спрячешь-ли меня куда-нибудь?» — «Полѣзай, вотъ въ эту яму!» сказала она; «посиди тамъ, пока братъ уйдетъ». Всталъ визирь съ мѣста, открыла она яму, обвязала его вокругъ поясицы веревкой, въ яму опустила, крышку закрыла. Въ это время, сидѣвшій въ ямѣ первый визирь закричалъ: «куда ты лѣзешь? тише, тише! смотри, хлопокъ мой помнешь!» — «А ты кто такой? въ это время, что ты здѣсь въ ямѣ дѣлаешь?» спросилъ

второй визирь. — «Ахъ! другъ мой! меня сюда засадила эта проклятая баба», отвѣчалъ онъ. — «Гай, гай, значить и я попался!» сказалъ второй визирь. Легли они оба спать, утромъ принялись очищать хлопокъ, кончили мѣшокъ; закричали служанкѣ, чтобы взяла у нихъ очищенный хлопокъ, а имъ-бы дала снова работу, хлѣба и воды. Опустила служанка въ яму шнурокъ, привязали они къ нему хлопокъ, вытащила она его, увидала, что онъ хорошо вычищенъ; спустила къ нимъ еще мѣшокъ хлопка, хлѣба и воды. Такъ продолжалось изо-дня въ день.

Прошло уже двадцать дней, какъ ушелъ второй визирь; не получая о немъ никакихъ извѣстій, велѣлъ царь осѣдлать себѣ коня, одѣлся, сѣлъ, одинъ поѣхалъ въ деревню столяра. Приѣхалъ въ домъ старухи; выбѣжала она ему навстрѣчу; сказалъ ей царь: «эй, старуха! иди къ женѣ столяра; скажи ей, что сегодня я у ней буду въ гостяхъ». Побѣжала старуха къ женѣ столяра, сказала ей: «ай, дити мое! сегодня у тебя гостемъ будетъ самъ царь». — «Очень рада!» сказала она, «прошу ночью прійти». Прибѣжала старуха домой, царю объ этомъ сказала. Жена столяра вымела, вычистила свой домъ, постель постелила, подушки разложила, разныхъ кушаній наготовила. День лишь кончился, пришелъ къ ней царь; встрѣтила она его съ поклономъ, на первое мѣсто посадила; сказала: «не угодно-ли чего-либо покушать»? Царь отвѣчалъ ей: «нѣтъ! съ дороги я усталъ; ляжемъ спать!» Взглянула жена столяра на служанку; вышла служанка, потихонько подошла къ наружной двери, стала стучать въ нее. «Кто это стучитъ въ дверь?» спросилъ царь. — «Это мой братъ; каждый вечеръ онъ приходитъ навѣщать меня, посидитъ немного и уйдетъ», сказала жена столяра. — «Какъ-же мнѣ быть?» спросилъ царь. — «Ай, государь! спрячьтесь въ эту яму, пока братъ мой не уйдетъ, тогда я васъ выпущу». Всталъ царь съ мѣста, обвязала она его веревкой вокругъ поясицы, стала въ яму опускать. Оба визиря закричали: «эй! кто ты такой? лѣзь тише, не помни нашего хлопка!» — «А вы-то кто такіе?» спросилъ царь. — «Мы оба царскіе визири», отвѣчали они. — «Что вы такое говорите о хлопкѣ?» спросилъ царь. — «Что дѣлать!» сказали они, «попались мы въ западню! Эта проклятая баба не даетъ намъ ни хлѣба, ни воды, пока мы ей не очистимъ хлопка». Тутъ узналъ царь, какъ его оба визиря попали въ яму, какъ оба хотѣли спать съ женой столяра и оба ошиблись. Подумалъ немного царь, закричалъ: «эй, госпожа! виноваты мы, будь добра! вытащи меня! съ

этого времени будешь моей сестрой». Опустила она веревку, со служанкой вытащили царя; выйдя изъ ямы, царь сказалъ: «ну, родная моя! теперь вытащи обоихъ визирей!» Приказала она служанкѣ, та обоихъ вытащила. Царь имъ сказалъ: «ай, безчестные визири! не стыдно-ли вамъ послѣ такого дѣла»? Попрощался царь съ женой столяра, съ обоими визирями пошелъ въ домъ старухи, взяли своихъ коней, сѣли, поѣхали въ городъ. Возвратясь во дворецъ, взошелъ царь на престолъ, сѣлъ, приказалъ привести къ себѣ столяра; тотчасъ-же пошли за нимъ, привели; сказалъ ему царь: «ну, мастеръ! счастливъ ты, имѣя такую жену. Дарю тебѣ построенный тобою дворецъ, приведи сюда жену свою, съ нею въ немъ живи! Самъ-же ты будь моимъ визиремъ».

Пошелъ столяръ въ свою деревню; взялъ жену, привелъ ее въ новый дворецъ, сдѣлался царскимъ визиремъ, сталъ жить въ счастіи и довольствѣ.

А. К.

